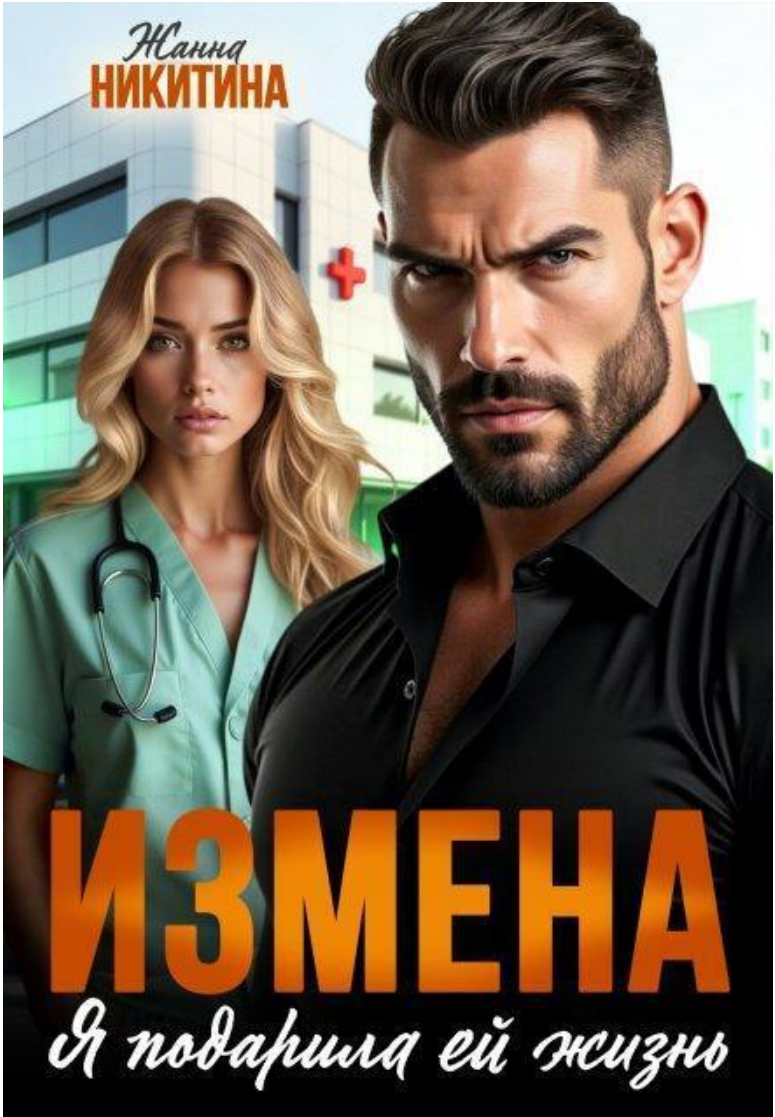

Жанна
НИКИТИНА
ИЗМЕНА
Я подарила ей жизнь

Жанна Никитина
Измена. Я подарила ей жизнь

https://litres.ru/74791043

Аннотация

— Так и будешь стоять, или все-таки спасешь ее?! — голос Игната звучит, будто удар хлыста, разрезающий гул ресторанного зала. — Гхх…кхх… — из горла блондинки в его объятиях вырываются хриплые булькающие звуки. — Алена, ты должна спасти ее! — рявкает муж, тряся за плечо свою спутницу в шелковом голубом платье со слишком глубоким декольте для деловой встречи. — Ты же врач, черт возьми! Да, я врач. Вот только сейчас все кажется нереальным. Я не могу поверить, что случайно встретила мужа с другой, когда буквально пятнадцать минут назад он написал сообщение, что задерживается на работе. — У нее асфиксия, — шепчу одними губами и понимаю… любовница мужа задыхается.

Уважаемые читатели, тега "развод" нет намеренно, потому что я считаю его огромнейшим спойлером, который раскроется в самом конце романа))))

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Знакомство с героями	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	62
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	77
Глава 16	83
Глава 17	87
Глава 18	92
Глава 19	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1

— Так и будешь стоять, или все-таки спасешь ее?! — голос Игната звучит, будто удар хлыста, разрезающий гул ресторанного зала.

Мои глаза расширяются от сцены передо мной. Не могу сдвинуться с места. Я словно превратилась в ледяную статую. Кажется, даже не дышу. В руке комкаю салфетку, видимо, схваченную с собой, когда срывалась с места.

Игнат… мой Игнат в белой рубашке, которую я гладила вчера вечером, готовя мужу костюм для важной встречи, стоит над сгорбленной фигурой женщины, обнимая ее. Она, стройная хрупкая блондинка, с каскадом спадающих по спине волос, опустилась на колени, неестественно нагнувшись вперед, словно ее переломили пополам. Будто в замедленной съемке наблюдаю, как ее пальцы с маникюром цвета крови впиваются в собственную шею, оставляя на ней красные полосы. Женщина поднимает лицо, и… оно покрыто алыми пятнами с уже посиневшими губами.

— Гхх…кхх… — из ее горла вырываются хриплые булькающие звуки.

Я всматриваюсь в глаза блондинки… широкие, налитые кровью… они мечутся по сторонам, безмолвно просят о помощи.

— Алена, ты должна спасти ее! — рявкает Игнат, тряся за

плечо свою спутницу в шелковом голубом платье со слишком глубоким декольте для деловой встречи. — Ты же врач, черт возьми!

Да, я врач. Вот только сейчас все кажется нереальным. Я не могу поверить, что случайно встретила мужа с другой, когда буквально пятнадцать минут назад он написал сообщение, что задерживается на работе.

Теперь же я вижу, как его "работа" подрагивает в конвульсивных вдохах, ее левая рука судорожно цепляется за белую скатерть на столе, тащит ее на себя, свозя все, что на ней стоит. Хрустальный бокалы со звоном разбиваются о кафельный пол.

— У нее асфиксия, — шепчу одними губами и понимаю… любовница мужа задыхается.

Игнат впивается в меня взглядом, будто говорящим, что происходящее — моя вина. Мгновение стою в оцепенении, как вдруг блондинка закатывает глаза, ее тело обмякает, рука отпускает скатерть и падает на пол. Очередной звон разбитого стекла прорезает пространство, и…

Я словно просыпаюсь ото сна.

Рефлекс срабатывает моментально. Срываюсь вперед, отталкиваю Игната, кое-как обхватываю женщину сзади. По телу пробегает волна дрожи… не моей. Резко дергаю блондинку вверх. Сжимаю руки у нее на груди. Со всей силы вдавливаю кулак ей под ребра.

— Раз, — тихо считаю вслух. — Два, — облизываю пере-

сохшие губы. Мне тяжело держать чужое тело, но это неважно. Главное — спасти жизнь. Сильнее обхватываю чужие ребра. — Три.

Я буквально чувствую, как что-то вылетает из женщины… кусок мяса падает прямо под ноги Игнату. Тело женщины сотрясает от поверхностного судорожного вдоха, потом еще одного, уже более глубокого, уверенного.

Жду пару секунд, чтобы понять, нужна ли моя помощь. В ответ раздается гортанный кашель.

— Вот и хорошо, — медленно разжимаю руки.

Игнат тут же подхватывает обмякшее тело женщины. Она дрожащими пальцами вцепляется в ворот его рубашки, жмется к нему, словно он спасительный жилет. Мой муж обнимает ее, гладит по голове, встревоженно заглядывает в глаза.

— Милый, — до меня доносится хриплый голос блондинки. Представляю, с каким трудом далось ей это слово… и оно адресовано моему мужу.

Боль расползается в груди, когда я окончательно убеждаюсь, что эти двое куда ближе, чем мне хотелось бы. Их прикосновения привычные, интимные. Игнат уже давно не касался меня так. Хотя чему удивляться после семи лет брака.

Муж даже не смотрит на меня. Все его внимание приковано к его… любовнице, к ее оголенным дрожащим плечам, к слезам, стекающим по худощавому лицу. Игнат проводит рукой по ее спине, точно также, как проводил по моей, ко-

гда я приходила после первых дежурств, убирает прилипшие волосы с ее лица.

Мне кажется, что во мне просыпается какая-то махозистка, потому что я, словно преклеяная, продолжаю смотреть на этих двоих. Мне хочется вырвать свое сердце из груди, чтобы оно не билось. Хочется причинить себе хоть какую-то физическую боль в надежде, что она заглушит душевную, но увы… от этого нет лекарства.

— Вам нужно в больницу, — все-таки нахожу в себе силы сказать хоть что-то. — Остатки еды могли повредить слизистую или где-нибудь застрять. Необходимо проверить.

Игнат поднимает на меня холодные глаза. В них нет даже благодарности, лишь упрек, смешанный с недовольством. Надеюсь, что так же равнодушно смотрю на него в ответ. Наконец от кивает мне, и этого достаточно, чтобы сорвать меня с места. Ровными четкими шагами направляюсь к своему столику, за которым мы сидели с Олей, празднуя ее повышение на работе, хотя внутри сердце разрывается на куски.

Но стоит мне поравняться с Игнатом и его пассией, как муж перехватывает меня за локоть, разворачивает к себе, заглядывая мне в глаза.

— Молодец, что без истерик, моя сильная девочка, — произносит он твердо. Меня же коробит от слов Игната. — Теперь езжай домой, прими ванну и приди в себя. Я приеду, и решим, как нам теперь существовать вместе, — последнее предложение звучит как угроза.

Глава 2

Не помню, как добралась до дома, лишь урывками вспоминаю, как Оля пыталась меня остановить, но я не послушала ее, запрыгнув в ближайшее такси, и дальше черная пелена. Забегаю в квартиру. Быстро иду по холлу, ничего перед собой не видя. Перед глазами все еще стоит картина, как Игнат обнимает красивую блондинку так, будто она самое важное, что есть в его жизни. А я тогда кто?!

“Как давно? Почему я не замечала? Он ее любит?” — вопросы роятся в голове, создавая оглушающий гул.

Виски сдавливает от легкой боли, которая грозится перерасти во что-то большее. И я почти жажду этого, чтобы отвлечься, забыться, переключиться… да что угодно, лишь бы не думать об измене любимого мужчины. Того, кому я была готова посвятить всю себя до конца жизни.

— Зачем я согласилась встретиться с Олей в этом гребанном ресторане?! — пробегаю длинный холл, не включая свет. Сейчас мне легче в темноте — в ней я прячу свои слезы, скатывающиеся по щекам. — Если бы мы туда не пошли, ничего бы этого не случилось. Я бы не встретила Игната, и не узнала бы… — всхлип душит меня.

Поднимаюсь на второй этаж по широкой лестнице, оступаюсь на ступеньке. Мой вскрик эхом разносится по пустой квартире. Оседаю на этих самых ступеньках, рыдания нако-

нец захлестывают меня с головой. Вцеплюсь трясущимися пальцами в кованые прутья перил. Как же тяжело, как больно.

Не знаю,сколько проходит времени до того, как плач сменяется икотой. Каким-то чудом беру себя в руки. Грубо стираю слезы тыльной стороной ладони, громко шмыгаю носом. Поднимаюсь на ватные ноги и все-таки добираюсь до второго этажа. Врываюсь в нашу спальню. В ней тоже не включаю свет — я и с закрытыми глазами могу пройти мимо огромной кровати, повернуть направо и попасть в гардеробную, где десяток ярких лампочек загорается автоматически, стоит ступить за порог.

Вытаскиваю из-под одного из шкафов серый чемодан. Крышка глухо падает на пол, когда я ее отбрасываю. Кидаю внутрь все, что попадется под руку — джинсы, кофты, нижнее белье. Одежда бесформенной кучей падает, куда придется — потом соберу.

— Что ты делаешь? — глухой голос Игната пугает до легкой дрожи.

Замираю с водолазкой в руке.

— А ты не видишь? — стараюсь говорить твердо, но голос подводит. — Собираюсь, чтобы уйти.

— Зачем тебе уходить? — муж складывает руки на груди, опирается на косяк, закрывая собой все дверное пространство. — Тебя кто-то гонит из дома?

Шумно втягиваю воздух. Интересно, он это серьезно?

Возмущение перекрывает все остальные эмоции. И это хорошо!

— Мне кажется, ответ очевиден, — резко поворачиваюсь к Игнату, смотрю ему в глаза. — Потому что сегодня я спасла женщину, с которой ты мне изменяешь.

На лице мужа не дрогает ни один мускул. Весь его вид выражает спокойствие, Игнат будто высечен из мрамора. Лишь густые черные брови сведены к переносице, да в серо-зеленых глазах будто плещется лед.

— Я не считаю это изменой, — спустя мгновение ровно произносит муж. Он даже не пытается возразить. Конечно, ведь все слишком прозрачно. — То, что между нами с Маришей было… превратилось в нечто большее, чем вся эта вульгарщина. Тем более, неправильно обсуждать другого человека без его присутствия, особенно, если он… она в больнице. Когда ты с ней познакомишься, то поймешь…

— Что? — не верю, что слышу это. Буквально открываю и закрываю рот, незаметно щипаю себя. Больно. Нет, мне это не снится. Весь этот кошмар происходит со мной на яву. — Про какое знакомство идет речь?! Ты в своем уме?!

Вдруг глаза Игната загораются опасным огнем, и это первая эмоция, которую он выдает. Муж сжимает челюсти.

— Не перегибай палку, — рявкает он. — Я и так держусь из последних сил, чтобы спокойно все обсудить. Мне сейчас не нужны скандалы, особенно после случившегося. Ты разве не видишь, что вместо того, чтобы быть сейчас с Мариной

и… — на мгновение звучит странная пауза. — Я приехал сюда к тебе.

— Зачем? — вскрикиваю. В отличии от Игната, я больше не могу себя сдерживать. Последние струны выдержки лопаются внутри меня, выпуская все эмоции наружу. — Зачем ты приехал сюда? Ради чего?!

— Ради тебя, — Игнат в два шага сокращает разделяющее нас расстояние.

Резко дергаюсь от него, больно ударяюсь о деревянную перекладину одного из отсеков. Игнат тянет ко мне руки, зажмуриваюсь, но в следующую секунду чувствую, как теплые ладони ложатся мне на щеки. Распахиваю глаза, видя лицо мужа прямо перед собой. Пытаюсь вырваться, но он не пускает, сильнее сжимая ладони.

— Пойми ты, я все еще люблю тебя, — его горячее дыхание щекочет мои губы. — Ты моя жена, и я не собираюсь ничего менять. Меня все устраивает.

— Но меня нет, — произношу тихо, обхватываю Игната за запястья. — Ты изменил мне, предал нашу любовь. А теперь еще и в открытую говоришь, что собираешься продолжать изменять. Отпусти меня, — почему-то это выходит жалобно, словно я прошу разрешения уйти из дома. Внутренне передергиваюсь от собственного тона. — Я хочу уйти от тебя! — а это звучит уже увереннее.

Мгновение Игнат всматривается в мои глаза. Его взгляд становится жестче, зрачки сужаются, веки чуть приспуска-

ются, как у хищника перед прыжком. Ноздри расширяются от каждого шумного выдоха. Лицо мужа, которое секунду назад было нейтральным, вдруг становится чужим… незнакомым мне.

— И что дальше? Найдешь себе другого? — он буквально рычит, отчего мурашки бегут по коже. — Нет, моя родная, не для того я тебя воспитывал столько времени, чтобы отдать левому мужику! Ты моя любимая игрушка, и я не намерен делиться!

Дорогие читатели,

рада приветствовать вас в своей новой истории. Сразу хочу предупредить, что она однозначно будет сложной и эмоционально-непростой. Я надеюсь, что уже с первых строк семья Бурыблиных зацепила вас. Так что движемся дальше.

Также напоминаю, что всегда рада вашим комментариям и звездам. Любая ваша реакция безумно греет сердечко авторам))

Спасибо, что вы со мной!

Ваша Жанна ##

Знакомство с героями

Бурыблина Алена Арсентьевна, 28 лет

Тот самый врач, в присутствии которой даже самые нервные роженицы невольно успокаиваются.

Высокая, стройная, с блондинистыми от природы волосами, спускающимися до лопаток, и пронзительными голубыми глазами, она выглядит скорее как модель, переодетая в медицинский халат, чем как типичный доктор.

В свои 28 лет Алена закончила медицинский институт с красным дипломом и уже два года работает акушером-гинекологом. За время своей работы она успела заслужить репутацию врача, способного принять любые, даже самые сложные роды. Даже в самых критических ситуациях, когда счёт идёт на секунды, её голос не дрогнет, а руки не допустят ни малейшей ошибки.

Коллеги говорят, что у неё «золотые руки» и «стальные нервы», а роженицы потом вспоминают ее как ангела-хранителя, появившегося в самый ответственный момент их жизни.

Но вместе с тем Алена в обычной жизни мягкая и ранимая, немного зажатая и всегда пытается контролировать эмоции. Она безоговорочно доверяла своему мужу, поэтому новость об измене Игната очень подкосила ее. Сможет ли

она справиться с предательством любимого человека? И как повернется жизнь Алены дальше? Об этом пока что приходится только гадать. Но я уверена, что в конце у нее все будет хорошо.

Бурыблин Игнат Сергеевич, 34 года

Игнат — мужчина, в котором чувствуется грубая, почти первобытная сила. Высокий, широкоплечий, с руками, привыкшими не только к рукопожатиям деловых партнеров, но и к работе с металлом — он выглядит так, будто сам мог бы собрать и разобрать любой из тех элитных автомобилей, что ремонтируются в его автосалонах. Лицо — с резкими, будто высеченными чертами, с постоянной легкой тенью небритости, а в серых глазах — холодный, расчетливый ум.

Игнат унаследовал сеть автосервисов премиум-класса от отца, который был для него не просто родителем, но и партнером, наставником. Смерть отца оставила в нем зияющую пустоту, которую он пытается заполнить работой, жестокостью, бескомпромиссностью. Он правит своим делом железной рукой, не терпит слабости ни в себе, ни в других, и подчиненные уважают его, но и побаиваются — потому что в гневе Игнат беспощаден.

Так почему же такой человек изменил своей жене спустя семь лет брака? Неужели разлюбил? И захотел почувствовать свободу? Не знаю… но мы обязательно выясним это.

Глава 3

Мои глаза распахиваются от заявления мужа, на фоне которого признание в любви звучит как издевка.

— Ты меня воспитывал? — спрашиваю полушепотом, не веря, что Игнат действительно так считает. — Серьезно?

Мы молча сверлим друг друга свирепыми взглядами. Мне хочется моргнуть, но я держусь. Не могу уступить мужу. В итоге он усмехается, вздыхает и делает шаг назад. Чувствую, как становится легче дышать. Стараюсь незаметно втянуть воздух.

— В общем, прибери тут все и иди в постель, — муж обводит рукой беспорядок. — Ты сегодня большая молодец. Купи себе завтра что-нибудь… может, шубу или сумку. В общем, сама выбери. Денег я пришлю.

Он разворачивается к выходу. Смотрю в широкую спину Игната и выпаливаю:

— Как давно? — вопрос звучит требовательно.

Муж застывает, его плечи вновь напрягаются, под рубашкой бугрятся мышцы.

— Что именно? — Игнат даже не оборачивается.

— Ты понимаешь, о чем я, — произношу твердо. — Как давно ты мне изменяешь?

Повисает тишина. Мне кажется, что Игнат думает, рассказывать или нет. И когда я почти теряю надежду услышать

ответ, до меня доносится спокойный голос мужа.

— Мы познакомились два месяца назад, — он разворачивается ко мне. — Это все, что тебе стоит знать.

— Два месяца? — я не узнаю собственный голос.

Два месяца Игнат водил меня за нос! Два месяца у него другая! Два месяца… закусываю губу, стараясь сдержать стон, который просится наружу. Внутри что-то рвется. На языке ощущается неприятная горечь.

— Боже, — тру глаза руками, размазывая нанесенный макияж. На кончиках пальцев остается чернота от туши. — Зачем я тебе? — усмехаюсь. Я, правда, не понимаю этого.

— Затем, что ты моя жена, — уверенно произносит Игнат. — Затем, что мы с тобой уже семь лет вместе и прошли… через многое. Затем, что я… — он с каждым словом подходит ко мне все ближе и ближе.

— Хватит! — вскрикиваю. — Я поняла, что стала для тебя привычкой. Но если там… с той, — забываю имя любовницы, — у тебя нечто большее, так иди к ней, а меня отпусти. Мне и так уже слишком больно!

— Ты что, не слышишь, что я пытаюсь до тебя донести? — Игнат начинает злиться. Его скулы заостряются из-за сжатых челюстей, брови сдвигаются над переносицей. — Ты сейчас говоришь ерунду, потому что устала. Отдохнешь и завтра посмотришь на все другими глазами. Ты не должна была узнать, но раз так все получилось, то просто смирись. Потом ты все поймешь.

— Что я должна понять? — мне кажется, что я стучусь в закрытую стену. — Скажи мне!

Игнат еще что-то скрывает от меня. Я вижу это по тому, как он уходит от ответа.

— Что это мы тоже переживем, — устало говорит он, запуская руку в волосы. — В любом случае, ты мне еще нужна…

Я чувствую, как воздух вокруг нас накаляется. Игнат на мгновение замолкает. И я понимаю, что то, что он сейчас скажет, вобьет последний гвоздь в наши отношения. Я не хочу этого слышать, и в тоже время мне точно нужно это знать. Неосознанно придвигаюсь ближе к Игнату, будто он собирается доверить мне какую-то тайну, и…

Вибрация разрывает пространство. Вздрагиваю от легкого испуга. Не сразу понимаю, что это звонит телефон. Игнат тоже сипло выдыхает, опускает плечи.

— Черт, — муж выругивается себе под нос. Лезет в карман пиджака, откуда достает гаджет, но когда смотрит на экран, хмурится. — Да, — отвечает сурово. Замолкает. — Хорошо, скоро буду, — кивает в такт словам. — Скажите ей, чтобы не переживала. Я выезжаю, — на этом он сбрасывает вызов. — Мне надо ехать, — он смотрит мне в глаза. — Договорим позже, когда я приеду.

— Меня уже не будет! — произношу твердо и мысленно даю себе подзатыльник. Я сама нарываюсь.

— Ну и куда ты пойдешь, моя сильная девочка? — Игнат

нависает надо мной, его слова звучат обманчиво ласково.

— Придумаю, — пожимаю плечами.

— Только выйди за дверь нашей квартиры, и я не буду себя сдерживать, — усмехается он. —Понадобится, притащу тебя силком обратно, — угроза звучит слишком явно. — Потому что пока ты моя жена, то будешь жить со мной. У меня на тебя большие планы.

— Да какие у тебя на меня могут быть теперь планы? — взрываюсь я. Не могу больше терпеть этих недосказанностей.

— Марина беременна, — с нажимом рычит Игнат. — А ты акушер-гинеколог. Поэтому я хочу, чтобы ты вела ее беременность.

Глава 4

— Бер-ременна? — заикаясь, переспрашиваю. — Какой срок?

— Второй месяц. Я не хотел говорить, — виновато отзывается муж. — Думал немного подождать с этой новостью, но ты вынудила…

Сердце простреливает дикой болью. Удерживаюсь за полку шкафа, чтобы не упасть. Руки подрагивают от воспоминаний, накатывающих словно огромная волна, сносящая с ног.

Сколько времени прошло с того момента, как я счастливая стояла перед зеркалом и гладила свой округлившийся живот? Шесть чертовых месяцев! Ровно столько прошло с того момента, как я узнала, что стала гробом для собственного малыша.

Слезы катятся по щекам. Мотаю головой, пытаясь отогнать воспоминания о последнем приеме у врача, где в кабинете УЗИ мне сказали, что сердце моего мальчика… будущего сына не бьется. Беременность замерла… я неделю не знала, что ношу малыша, которому не суждено родиться. Это был шестой месяц беременности.

Врач тогда сказал, что такое бывает — тело иногда не сразу понимает, что жизнь внутри закончилась… это я знала и без него.

Страшно было то, что до этого все еще гладила живот,

разговаривала с ним по утрам, выбирала первую одежду... А в это время внутри была уже не жизнь, а тишина. Пустота, о которой я и не догадывалась.

Когда на УЗИ мне показали эту неподвижность, где должно было быть биение, мир будто раскололся. Самое ужасное было осознавать, что целую неделю я была последней и единственной колыбелью моего ребенка, даже не зная об этом, хотя должна была почувствовать! Должна!

Я не смогла его защитить!

А дальше начался настоящий ад, который до сих пор иногда мне снится. И это страшные ночи, когда я просыпаюсь дрожащая в поту и не могу больше уснуть до утра.

— Как ты можешь такое мне предлагать? — спрашиваю севшим голосом.

Игнат все это время был со мной рядом, он знал, как тяжело я переживала утрату нашего малыша. Мы оба его так хотели, а в конечном итоге…

— Черт! — яростно вытираю ладонями слезы.

Наверняка на щеках остаются черные разводы от туши. Я не хочу плакать, но не могу остановиться.

Я даже на работу вернулась не сразу. Мне стоило больших трудов видеть улыбающиеся лица мамочек, которые скоро увидят своих малышей. Но потом я поняла, что делаю большое дело — помогаю им встретиться.

— Тебе уже давно пора пережить это и двигаться дальше, — спокойно отзывается Игнат, глядя на меня.

— Так я пережила! — вскрикиваю, упираюсь ладонями в грудь мужа, пытаюсь отпихнуть его от себя, но он не двигается. — Но это не говорит о том, что мне не больно. А ты, видимо, так сильно хочешь ребенка, что решил заделать его на стороне? Правильно, я же теперь могу не родить.

— Не говори ерунды, — как-то устало отзывается муж. — Я этого не планировал. Но раз так получилось, то от ребенка не буду отказываться. И ты сможешь почувствовать себя в роли матери. Ты и так для него уже являешься кем-то вроде ангела-спасителя. Поэтому я уверен, если ты сблизишься с Мариной, то она не будет отказываться от твоей помощи с малышом.

Чувствую, как мои глаза округляются от шока. Я не верю… не верю, что слышу это. Всматриваюсь в лицо Игната. Он абсолютно серьезен. И это до дрожи пугает.

— За что ты меня так ненавидишь? — вопрос звучит на грани слышимости.

У меня нет сил говорить громче, словно меня ударили в солнечное сплетение, выбив из меня весь воздух. Кладу руку на это место, сжимаю ткань платья, словно пытаюсь добраться до сердца… точнее до тех ошметков, что от него остались. Одно дело — работа, от которой я могу абстрагироваться, а тут муж предлагает помогать воспитывать его ребенка от другой, когда я могла держать на руках своего малыша? Это уже верх абсурда!

— Ненавижу? — вскрикивает Игнат. — Ты считаешь, что

я тебя ненавижу? Я обращаюсь к тебе за помощью как к профессионалу, потому что у Марины резус-конфликтная беременность.

Немного опешиваю. Пытаюсь задушить внутреннего медика, но он все равно вырывается наружу.

— При первой беременности риск небольшой, — выговариваю четко. — Если только…

— До этого был аборт, — тихо произносит Игнат.

— От тебя? — вопрос вылетает сам собой.

— Нет, — муж мотает головой. — Это было до меня. Алена, послушай, я прошу тебя мне помочь. Ради нашего сына… возможно, это твой шанс…

— Не смей приплетать сюда нашего сына, — цежу сквозь зубы. — Какой мой шанс? Дать родиться плоду твоей измены? Видеть эту Марину и думать, как часто вы с ней… встречаетесь? Это ты предлагаешь? — мой голос срывается.

— Я предлагаю стать семьей, — твердо заявляет муж. — Представь, как будет здорово, когда малыш, которому ты помогла родиться на свет, будет топать босыми ножками по нашему полу.

— Ты нянькой что ли меня хочешь сделать? — дышать становится тяжело.

Кровь внутри закипает от того факта, что Игнат имеет наглость предложить мне такое. Смотрю на него, стараясь найти в нем хоть каплю человечности, но вместо этого натыкаюсь на стену изо льда.

— Брось говорить чушь! — рявкает муж. — В конечно итоге, что ты начинаешь разыгрывать из себя неприкаянную. Ты каждый день сталкиваешься с беременными, а тут из себя строишь… я прошу тебя сделать то, что ты и так постоянно делаешь, а бонусом будет…

— Ты не понимаешь? — мотаю головой, грустно усмехаюсь. — Правда, не понимаешь, что я буду смотреть на твою любовницу, а видеть в ней себя? Что каждый ее осмотр буду представлять, что это могла быть я? Ты не задумывался, как будет мне больно?

— Боль у тебя в голове, — Игнат взмахивает рукой. — Если не справляешься, сходи к психологу. Ладно, закончим на сегодня. Мне срочно надо ехать. Я и так потратил время. Проспись, и завтра поговорим как следует.

— Ты едешь к ней? — не знаю, зачем задаю этот вопрос, словно я, и впрямь, какая-то мазохистка.

— Тебе же очень больно, — сарказм так и плещется из слов Игната. — Так что ложись спать. Завтра нас ждет долгий день. Ты все-таки познакомишься с Мариной, — на этих словах он выходит из гардеробной.

Глава 5

Я не слышу, как закрывается дверь, но чувствую, что Игнат ушел из дома. Впервые за время нашей совместной жизни мне становится легче без него. Раньше я скучала по мужу даже если он был в соседней комнате, а сейчас… сейчас внутри пустота. Нет ничего, словно все чувства выжгли слова и поведение Игната.

— Подлец! — сползаю на пол, приваливаюсь спиной к шкафу, подтягиваю к себе ноги, обнимаю их за колени.

Осматриваю весь беспорядок, учиненный мной.

"Это все эмоции," — проносится в голове.

Через пару минут я нахожу в себе силы снова подняться. Начинаю складывать вещи, методично, спокойно. Поднимаю водолазку, аккуратно сворачиваю ее и убираю… но не в чемодан. Кладу ее обратно в шкаф, и так поступаю с каждой вещью. Четкие монотонные движения приводят мысли в подобие порядка. А после также размеренно начинаю выбирать, какую одежду мне взять с собой. Мне некуда спешить. Если Игнат поехал к своей… любовнице, то в ближайшие два часа он точно не появится.

Когда чемодан укомплектован, выкатываю его в спальню. Родная кровать манит лечь на нее и уснуть. Состояние вообще ужасное, словно меня переехал каток и продолжает ездить по мне до сих пор. Встряхиваю волосами, лягу чуть поз-

же и в другом месте, а сейчас мне нужно уходить.

Осторожно спускаюсь по лестнице, останавливаюсь перед входной дверью и оборачиваюсь. Это место было моим домом больше семи лет, а теперь… теперь здесь, возможно, будет жить другая. Поднимаю правую руку, чтобы помахать на прощание и хмурюсь. На безымянном пальце блестит ободок кольца.

Когда-то я им очень гордилась. Отпускаю ручку чемодана и тянусь к кольцу. Золото словно обжигает, но я все равно обхватываю его ладонью, тяну и… оно не снимается.

— Да что за такое? — тихо выругиваюсь, снова тяну кольцо вверх с такой силой, что кажется, будто сейчас оторву себе палец.

Кольцо сдвигается на миллиметр, по ощущениям, словно, свозя вместе с собой кожу, и застревает на костяшке. Под ним остается четко очерченная полоса — полоса, где сейчас сосредотачивается вся моя боль.

— Да вы издеваетесь?! — гневно смотрю в потолок. — Словно в оковах, — уже тише печально усмехаюсь.

Это все настоящий сюр, который происходит с кем-то другим, не со мной. Я не заслужила такой боли. Мне хочется все, связанное с Игнатом, оставить в этом доме, но нет… кажется, часть моего мужа навсегда въелась в меня.

— Плевать! — шепчу в сердцах и резко хватаю чемодан.

Выходить из квартиры не так сложно. Я почти ничего не чувствую, покидая ее. Заказываю такси уже стоя на улице,

потому что до самого последнего момента не могу определиться, куда поехать. Мне хочется оказаться рядом с близким человеком, поэтому выбора не так много. Решение красной лампочкой вспыхивает в голове.

Прохладный ночной воздух успокаивает горящую кожу, но долго наслаждаться у меня не получается. Машина подъезжает почти сразу же. А после она везет меня на окраину Москвы в один из спальных районов, который я знаю на зубок. Я провела здесь все детство и возвращаюсь снова.

На улице ни души, потому что уже поздно. Таксист помогает мне вытащить из багажника чемодан и оставляет меня одну перед подъездом с зеленой дверью. Смотрю на серую девятиэтажку и думаю, что нужно было сначала позвонить маме. Она наверняка уже спит. Хотя, мама вряд ли бы сняла трубку — мы поругались с ней после… потери малыша и не общаемся до сих пор. Тогда ей в мой адрес было сказано очень много обидных слов.

Мотаю головой, отгоняя еще одни непрошенные воспоминания, собираюсь с духом и заношу руку, чтобы набрать номер квартиры, как дверь с противным писком распахивается, чуть не ударяя меня. Я вовремя успеваю отпрыгнуть. Мне на встречу выходит тучный мужчина в спортивном костюме, явно недовольный, что ему нужно идти на улицу. Вперед него выскакивает маленькая собачка, которая заходится громким лаем при виде меня.

— Добрый вечер! — киваю и быстро ныряю в подъезд.

Двери лифта сразу же разъезжаются, стоит мне нажать на кнопку. Доезжаю до нужного этажа. Подхожу к знакомой квартире. Желудок предательски скручивается в тугую спираль, когда я останавливаюсь перед черной дверью.

— Нужно собраться, — уговариваю себя нажать на кнопку звонка. — Я расскажу маме, и она все поймет. Все будет хорошо, — киваю самой себе и вдавливаю звонок. — Вот и повод помириться.

Резкая трель пронзает тишину в квартире. Спустя пару минут слышатся шаркающие шаги. В глазке загорается свет. Втягиваю воздух. Проходит мгновение, замок громко щелкает. Задерживаю дыхание.

“Все будет хорошо!” — повторяю про себя.

Дверь распахивается, и на пороге появляется мама. Она сурово смотрит сначала на меня, потом замечает в моей руке чемодан, ручку которого я сжимаю до побелевших костяшек, тихо хмыкает.

— Что, выгнал тебя твой богатей? — в голосе мамы звучит довольство, с которым она любит говорить, когда по ее же мнению оказывается права. — А я тебе говорила: таким, как он, дефектные не нужны. Теперь прибежала за приютом?

Глава 6

На мгновение прикрываю глаза. Мамин сарказм просто нужно пережить. Она всегда была такой, сколько я ее помню. Думаю, именно поэтому от нас и ушел отец — мама его выжила. Какому мужчине понравится, что рядом с ним живет “напильник”?

Распахиваю веки, подмечая, что мама еще немного постарела. Вокруг голубых глубоко посаженных глаз разбежалось еще больше морщинок, уголки поджатых губ опущены вниз. В светлых коротких волосах теперь четко просматривается седина, занимающая почти всю голову мамы, которая так и продолжает стоять, сложив руки на полной груди.

— Я скучала, — вырывается у меня.

Какой бы мама не была, но она мой родной человек. Мы никогда не были близки, мне кажется, я всегда росла сама по себе, потому что маме с семи моих лет приходилось тянуть нашу маленькую семью на своих плечах. Она работала сестрой-хозяйкой в больнице недалеко от дома и жутко гордилась этим, считая, что порядок в терапевтическом отделении зависит только от нее. Именно мама отправила меня на медицинский, хотя я изначально хотела на журналистику. Но теперь ни о чем не жалею.

— Проходи, — вдруг спокойно отзывается мама, отстраняясь от двери.

Я тут же ныряю внутрь, где пахнет лакированным деревом и кремом для рук. Дверь за моей спиной захлопывается, посылая легкую дрожь по телу. Смотрю в пол, выложенный желтой елочкой. Я предлагала маме сделать ремонт — поменять массивный гардеробный шкаф, занимающий половину прихожей, убрать трюмо с зеркалом, стоящее напротив. Вот только мама требовала не доставать ее нелепыми предложениями. Со временем я отстала.

— Разувайся, и пойдем на кухню, — она грузно, еле переставляя левую ногу, двигается в указанную сторону. Видимо, сустав пришел совсем в негодность.

— Не надумала сделать операцию? — ставлю чемодан к шкафу, вешаю пальто внутрь и следуют за мамой.

— Я без тебя решу! — огрызается она через плечо. — Лучше расскажи, что у тебя случилось.

Захожу на кухню и сажусь на один из деревянных не самых удобных стульев, стоящий около стены. Опираюсь локтем на светлую столешницу стола с закругленными углами. Смотрю в сторону большого окна, где колышется белый тюль. Мама лезет в шкаф над круглой мойкой, распахивает створку молочного гарнитура, достает две кружки.

— Ну так и чего молчишь? Язык проглотила? — она щелкает электрический чайник, который я еле уговорила ее купить.

— Игнат мне изменил, — сцепляю пальцы на бедрах, начинаю перебирать их между собой.

Грудь сдавливает, но несильно. Я все еще продолжаю дышать. И вроде бы я в норме, но внутри будто кто-то по чуть-чуть отрывает от меня кусочек за кусочком, и я не знаю, сколько выдержу эту пытку.

— И все? — в голосе мамы звучит легкомыслие.

Вскидываю на нее вопросительный взгляд.

— Нет, — нехотя добавляю. — У них будет ребенок.

— Во-о-от, — мама достает пакетики с чаем. — Я так и думала. Говорила же тебе еще тогда, что твоему мужу нужен наследник. Если не ты, так какая-нибудь другая родит. Но нет же, зачем слушать?

— И что мне нужно было сделать? — задаю вопрос и тут же жалею об этом, потому что он открывает ящик Пандоры.

Мысленно готовлюсь к новому витку старого разговора, и не прогадываю.

— Нужно было лучше следить за внуком! — рявкает мама, разворачиваясь ко мне. — Какой из тебя врач, если ты не смогла определить смерть собственного ребенка?

— Мам, не начинай, — тихо стону. — Мне сейчас очень плохо.

— Плохо — это когда встать с кровати не можешь, — строго выговаривает она. — А мне вот стыдно говорить, что моя дочь — акушер-гинеколог, потому что ты не смогла спасти собственного ребенка.

— Это не так! — вскрикиваю. — И ты это знаешь. Все шло хорошо… правильно. Ты не представляешь, что я пере-

жила тогда… и переживаю до сих пор, — добавляю уже тише.

— Зато я хорошо представляю, что пережила я, — вместе с последним словом мамы щелкает чайник. — Мы все ждали нашего мальчика, и здесь только твоя вина, что его нет с нами.

— Черт! — закрываю лицо руками.

"Я даже не умылась. Так и хожу с размазанным макияжем," — запоздалая мысль лезет в голову.

Именно из-за этого мы с мамой и поругались. Когда она узнала, что я потеряла ребенка, то орала на меня, что ей стыдно иметь такую бестолковую дочь, что это все моя вина. Я должна была почувствовать… должна была понять. По сути, мама говорила все то, что я сама крутила в себе. Но слышать жестокие обвинения от родного человека оказалось в разы… сложнее. Игнат тогда выпроводил маму из нашего дома. Все мы были на эмоциях, но после этого мама больше со мной не общалась, хотя я пыталась звонить.

— Зря я пришла, — поднимаюсь на ноги. — Глупо было надеяться, что ты меня поддержишь.

Направляюсь к двери, как вдруг теплая рука перехватывает меня за запястье. Оборачиваюсь.

— Ладно, — мама смотрит в сторону. — Я не хотела снова заводиться. Ты… молодец, что пришла. В твоей комнате… все чистое, так что иди отдохни.

От этих слов на сердце становится чуть-чуть теплее.

— Спасибо, — киваю, решая не лезть в бутылку. Не хочу сегодня больше ничего выяснять.

Когда захожу в свою комнату даже не включаю свет, сразу сбрасываю одежду и забираюсь на узкую кровать. Подушка пахнет порошком… запахом детства. Втягиваю его и проваливаюсь в сон, не замечая этого.

На следующее утро мама еще до будильника будит меня на работу. Конечно, обычную жизнь никто не отменял, хотя идти куда-то нет никакого желания. Я почти снова накрываюсь одеялом, но тут мама заходит во второй раз, и мне приходится вставать. Ощущаю себя разбитой и растоптанной… преданной. Я так и не умылась вчера, поэтому косметику буквально приходится отдирать, что приводит немного в чувства.

Игнат за ночь ни разу не звонил. Видимо, он все еще с Мариной. Или равнодушно отнесся к моей пропаже. Плевать!

На кухонном столе уже приготовлен растворимый кофе и блинчики с джемом. Есть не хочется, но я не могу обидеть маму, поэтому заталкиваю в себя два блина. После кофе во рту остается горечь, но вот ей я как раз рада — она соответствует моему состоянию.

Чуть не опаздываю на работу, потому что от дома мамы до клиники ехать в разы дольше. Залетаю в своей кабинет, слегка успокаиваясь в нем. Здесь я чувствую себя в своей тарелке. Это моя стихия, и я ей управляю.

Утопаю в работе до самого обеда. Желудок напоминает о

себе громких бурлением. Есть по прежнему не хочется, но решаю хотя бы прогуляться, чтобы не дать себе вновь погрузится в мысли о вчерашнем. Поднимаюсь из-за стола, но не успеваю сделать и шага, как в дверь решительно стучатся, а после, не дожидаясь моего ответа, створка распахивается, и на пороге появляется женщина. Внимательно всматриваюсь в нее, сужая глаза.

— Добрый день! — мягко здоровается она. Ее голос немного сипит. — Узнали меня?

Мое сердце падает вниз, словно камень.

— Конечно, — буквально выплываю.

Как я могла не узнать… любовницу мужа?!

— Прекрасно, — Марина проходит в кабинет, мерно стуча каблуками по полу. — Игнат сказал, что нам троим нужно познакомиться, — она скользит пальцами по пока еще плоскому животу. — Поэтому я записалась к тебе на прием, — ее губы растягиваются в улыбке, слишком широкой, слишком уверенной. — Ну что, готова стать подругами?

Глава 7

Хочется застонать в голос, глядя на счастливое лицо Марины. Позволяю себе рассмотреть ее более подробно. Вчера она была… другая. Сегодня же я вижу здоровый румянец на ее щеках. Высокие скулы придают лицу Марины некий аристократизм. За счет светлых волос мы с ней даже чем-то похожи. Только мой цвет натуральный, а вот она точно крашенная. Глаза Марины, вчера налитые кровью, сегодня кажутся глубокой пропастью — насколько черными они выглядят в свете кабинета. Шифоновое платье обтягивает пока еще стройную фигуру.

Увы, я не могу не признать, что Марина красива. Но ее красота немного… показная, вульгарна.

— Думаешь, как мне отказать? — она склоняет голову набок.

— Как ваши, — выделяю это слово нажимом, — дела?

Как ни крути, я обязана провести этот прием. Спасибо профессиональной этике и маячащей дисциплинарной ответственности за отказ без уважительных причин. Потом схожу к главврачу и поговорю с ним. Он поймет… должен понять, если все объяснить. Это переходит границы!

— Спасибо, твоими, — Марина будто передразнивает меня, тоже выделяя обращение ко мне, — стараниями и я, и малыш в полном порядке. Всего лишь горло немного саднит,

и небольшая трещина в ребре от того, как ты сильно давила на меня. Но я уверена, что ты это сделала неспециально.

Пытаюсь понять, обвиняет Марина меня или нет. Поясницу простреливает от того, как резко я выпрямляюсь. Вряд ли я давила слишком сильно, чтобы была трещина. С другой стороны адреналин и эмоции могли отыграться по-своему, и я просто не заметила силы нажатия… Встряхиваю головой. Нет, точно нет! В любом случае, главное, что Марина жива и относительно здорова. Я свою обязанность выполнила.

— Хорошо, что все хорошо закончилось, — киваю.

— Да перестань ты со мной говорить так официально, — Марина машет рукой перед собой. — Мы с тобой не чужие люди — одного мужчину все-таки делим.

Меня передергивает от ее слов. Всматриваюсь в глаза любовницы мужа и не могу понять, неужели ее не смущает сложившаяся ситуация? Неужели она считает это нормой — влезть в чужую семью и потоптаться там? Глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю.

— Это ненадолго, — отвечаю спокойно, насколько могу в сложившейся ситуации.

“Я врач! У меня есть кодекс этики! И я на работе,” — мысленно напоминаю себе о своем профессионализме.

Мне нужно быть выше всего этого. Я переживу и справлюсь. Нужно просто вынести этот прием.

— Да, Игнат сказал, что ты сегодня не ночевала дома, — Марина немного грустнеет. — На самом деле я пришла

сказать спасибо за вчерашнее. Ты очень сильная! Не каждая женщина нашла бы в себе силы спасти ту, что вот-вот займет ее место.

Не знаю, отчего кривлюсь больше: от того, что Игнат рассказал ей про нашу ситуацию, или от того, что не могу понять, издевается Марина или нет. Вроде бы она говорит искренне, но в ее глазах словно искрятся смешинки. Мне кажется, что Марину забавляют мои реакции, слишком уж пристально она за мной следит.

— Итак, прием, — киваю на большое белоснежное кожаное кресло за моей спиной. — Прошу проходите.

Стискиваю зубы. Это нужно выдержать. Просто выдержать.

"Передо мной обычная пациентка. Ничего более," — мне приходится себя буквально уговаривать, чтобы не послать Марину.

Это ужасно! Не должно быть так. Стыд опаляет щеки, потому что я не могу заставить себя засунуть свои личные переживания вглубь. Они, словно нарывы, выбираются наружу, и это мешает мне трезво смотреть на ситуацию.

— Я предлагаю сегодня только познакомиться, — Марина не проходит в кабинет. Так и остается стоять на месте. — Мне очень важно, чтобы между нами наладилась крепкая связь. Все-таки ты будешь заботиться обо мне и моем малыше, поэтому я хочу полностью тебе доверять и быть уверенной, что ты ничего нам не сделаешь.

— Что? — не выдерживаю. Это уже удар ниже пояса. Слишком наглый и продуманный. Теперь окончательно убеждаюсь, Марина хочет вывести меня на эмоции. Сжимаю руки в кулаки. — Если у вас есть какие-то сомнения в моей компетенции, то лучше выбрать другого врача, потому что спокойствие мамы передается малышу. Вам нельзя нервничать.

— Игнат хочет тебя, — Марина пожимает плечами, смотрит мне в глаза. — А кто я такая, чтобы спорить со своим мужчиной? — она улыбается снова.

Прикрываю веки, не понимаю… просто не понимаю, зачем Марина пришла. Увидеть, что я в отчаянии? А если нет, то добить? У нее неплохо это получается. Боль в груди вспыхивает с новой силой.

— Зачем ты здесь? — поднимаю на Марину серьезный взгляд. Я не нужна ей как врач, так значит поговорим как женщина с женщиной.

— Во-о-от, наконец-то, — Марина довольно складывает ладони перед собой, словно беззвучно хлопнула в них. — Так и нужно было сразу. Теперь мы чуть ближе друг к другу, а то эти холодные "выкынья". Я, правда, пришла сказать тебе спасибо. И извиниться за то, что все так получилось.

— Мне не нужны твои извинения, — мотаю головой. — Я очень прошу оставить меня в покое. Как уже сказал Игнат, я ушла из дома и возвращаться не собираюсь. Поэтому живите спокойно… без меня.

— Без тебя не получится, — Марина наклоняется немного вперед. — Да и малышу, — она кладет руки на живот, поглаживает его, любовно глядя мне в глаза, — нужна крестная мама. А кому, как не тебе предложить эту роль? Ты же дала ему вторую жизнь. Я хотела сказать тебе об этом чуть позже, когда мы станем ближе… но, думаю, сейчас самое время.

Задыхаюсь от наглости, глупости и бредовости предложения. Всматриваюсь в лицо Марины. И да, похоже, она серьезно все этого говорит. Со всей силы вгоняю ногти в ладони. Бросаю быстрый взгляд на часы. По сути, на первичный прием заложено тридцать минут, так что осталось потерпеть еще немного. Еще чуть-чуть, и я смогу выставить Марину за дверь по вполне объективным причинам.

— Представляешь, как нам с тобой вдвоем будет здорово, — Марина вдруг резко делает два шага вперед и хватает меня за руку. — Мы будем пить чаи, ты расскажешь мне, что любит Игнат. А потом перемоем ему все косточки, — она хихикает.

— Не стоит переходить границы, — с силой выдергиваю руку. — Этого никогда не будет, — внутри все сворачивается от наглости Марины. Меня тошнит. Я хочу остаться одна. Это все сон… кошмар… Нужно проснуться, вот только от реальности не просыпаются. — А теперь прошу выйти из кабинета. Прием подошел к концу, — выговариваю как можно жестче.

Марина мгновение смотрит на меня, а после сужает глаза.

— Советую не играть со мной, — она понижает голос до опасного шепота. — Я пока что прошу мило, но всему есть предел.

— Зачем тебе это? — даже не пытаюсь скрыть усталость.

Марина, словно вампир, высосала из меня все силы.

— Я пытаюсь отблагодарить тебя, — она изумленно вскидывает брови, будто я не поняла очевидной вещи. — И Игнат хочет, чтобы ты была рядом, потому что он уверен в тебе. А я ему доверяю.

— Но я не хочу, — мотаю головой. — Это же сущее издевательство.

— Нет, — Марина вдруг усмехается. От ее улыбки мороз бежит по коже. — Издевательство начнется, если ты откажешь мне. Я не привыкла просить дважды. Так что подумай хорошенько и скажи, могу ли я на тебя рассчитывать? Или мне придется тебя заставлять?

Глава 8

Хмыкаю, встряхиваю волосами. Становится смешно. Это больше похоже на истерику, но решаю не противиться этому состоянию. Оно сейчас кстати.

— Ты такая забавная, — смотрю Марине в глаза. — Угрожаешь, что-то пыхтишь. А Игнат почему-то со мной разводиться не собирается. Говорит, что любит… меня, а не тебя.

Лицо Марины моментально вспыхивает красными пятнами, она распахивает рот, но быстро берет себя в руки.

— Не путай привычку с любовью, — выплевывает она. — Он будет моим, а вот ты...

Громкий стук в дверь прерывает Марину.

— Всего доброго, — произношу как можно насмешливее. — И да, я передам ведение вас другому врачу. Все-таки этика не позволит мне заниматься вами, — снова перехожу на официальный тон.

Марина прищуривает глаза, а после кивает.

— Как скажешь, — жестко бросает она. — Я пыталась быть милой.

— Не стоит, — мотаю головой. — Актриса из вас все равно не очень.

Мы смотрим друг на друга, будто боремся взглядами, кто окажется сильнее. Ни одна не хочет уступать другой.

— Ты еще будешь ползать у меня в ногах, моля о проще-

нии, — наконец выплевывает Марина и быстро выходит за дверь, в которую сразу же заходит следующая пациентка.

Мне нужна мгновенная передышка, но ее у меня нет, поэтому приступаю к приему, и так до самого вечера.

Когда за окном уже темнеет, устало откидываюсь в кресле. Прошли почти сутки с того момента, как мы с Игнатом не общались. Раньше и пара часов казалась уже долгой, а сейчас я даже не скучаю по мужу. Внутри словно все выгорело.

Любопытства ради открываю карточку Марины, которая уже появилась в нашей базе. Пробегаюсь по ее данным. Брови ползут вверх от удивления. Марине тридцать один год, хотя выглядит она моложе. Теперь понятно, почему ее не смутило наличие жены у Игната. Хороший вариант самой нужен, тем более, видимо, она решила, что уже пора обзавестись семьей.

Это всего лишь мои догадки, но все равно еще больше становится противно от наглости любовницы мужа.

— Ты идешь? — в дверной проем просовывается голова Катя. Вздрагиваю от неожиданности, вскидываю голову, глядя на подругу. — Рабочий день уже все, — радостно улыбается она, заправляя каштановую прядь за ухо и слегка морща курносый нос, покрытый веснушками.

Катя живет недалеко от меня, поэтому часто подвозит до дома, но теперь этого делать не нужно. Натянуто улыбаюсь в ответ. Не хочу, чтобы пока кто-то знал о моих проблемах… кроме главного врача. Ему придется рассказать.

— Пока нет, — мотаю головой. — У меня еще дела.

— Але-е-ена, — тянет Катя, полностью показываясь в проходе. Ее ноги кажутся еще тоньше, выглядывая из безразмерной дутой синей куртки. — Тебя муж дома ждет, какие могут быть дела?

Ее слова иголкой впиваются в сердце.

"Нет, меня больше никто не ждет," — закусываю щеку.

— Я недолго, — киваю.

— Ну, ладно, — недовольно бурчит подруга. — Тогда до завтра, — она машет мне и выходит, оставляя снова одну.

И вот же парадокс — весь мир вокруг не изменился ни на грамм, в то время, как моя жизнь стремительно летит под откос. Странно это осознавать.

Какое-то время продолжаю сидеть, продумывая, что скажу главному врачу. Правду! Нужно говорить все, как есть. Любая утайка может потом сыграть не в мою пользу. Не позволю, чтобы из-за какой-то Марины пострадала еще и моя карьера.

— Ладно, нужно идти, — поднимаюсь из-за стола, приободряя саму себя.

В приемной главного врача тихо и спокойной. Секретарша уже накидывает пальто на плечи.

— А ты чего? — она оборачивается ко мне. Сероватые глаза блестят за линзами очков.

— Главврач на месте? — указываю подбородком на еще одну дверь, ведущую из приемной.

— У Ильи Валентиновича переговоры, — Вера засовывает руки в рукава пальто. — Но ты можешь подождать на диване, — указывает появившейся ладонью на белый кожаный диван рядом с такой же белоснежной стеной, сбоку от входа. — Правда, не уверена, что он быстро. Они там уже больше часа, — голос секретарши звучит немного растерянно.

— Да нет, ладно, — улыбаюсь ей. — Завтра тогда зайду. Спасибо!

На этом выхожу из приемной. Легкая тревога заставляет сердце биться сильнее. Видимо, нервы за эти сутки стали совсем ни к черту. В кабинете вижу на оставленном на столе телефоне один пропущенный от мамы. Сейчас подойду к метро и перезвоню. Быстро собираюсь домой.

Стоит выйти на улицу, как ветер чуть не сбивает с ног. Сильнее кутаюсь в пальто, утопая подбородком в шарф. Лезу в сумку за перчатками, поэтому сначала слышу, а только потом, когда поднимаю глаза, вижу перед собой Игната. Дыхание перехватывает от неожиданности.

— Привет, родная, — почти нежно произносит муж. Вот только его глаза при этом холодно смотрят на меня. — Ну что, поиграла в дерзкую и непослушную, а теперь пора домой, — он отталкивается от черного внедорожника, к которому прислонялся спиной, и распахивает руки, будто ожидая, что я кинусь в его объятия. — Марина скоро тоже приедет, нужно успеть накрыть на стол.

Глава 9

Смотрю Игнату в глаза. Холод бежит по позвоночнику от того, насколько спокойным он выглядит. Его не трогает сложившая ситуация, будто ничего страшного не случилось… Очередная ссора, которая вот-вот закончится, стоит только все обсудить.

Мне бы прочитать мысли мужа, понять, о чем он думает, за что он так жесток со мной, я же любила его всем сердцем. А теперь передо мной словно другой человек.

— Предатель, — произношу себе под нос и… просто прохожу мимо.

Складываю руки на груди, стараясь согреться. Но не успеваю сделать и нескольких шагов, как Игнат перехватывает меня и резко разворачивает на себя.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой разговариваю, — его лицо искажается гневом.

— Пусти, — говорю как можно спокойнее. — Вы с твоей Мариной решили весь мозг мне вынести?

— И куда ты идешь? — глаза Игната сверкают. Он напрочь игнорирует мой вопрос.

Усмехаюсь. Приятно осознавать, что муж никак не мог подумать, что я поеду к маме после нашей ссоры. И это хорошо. Возможно, чисто интуитивно я и решила пожить у нее как раз из-за этого.

— Тебя это не касается, — пожимаю плечами, дергаюсь в сторону, стараясь вырваться из хватки, которая становится еще крепче.

— Мне кажется, ты что-то путаешь, — рычит Игнат, наклоняясь ко мне ближе. — Я твой муж, и меня, как никого другого касается, где шляется моя жена по ночам.

— Где-то, — стараюсь говорить как можно беспечнее. — Возможно, там же, где и ты.

— Алена, ты же сама нарываешься, — Игнат прикрывает глаза, глубоко вдыхает, а после на выдохе распахивает веки. — Я, правда, пытаюсь тебя понять. Но ты не даешь этого сделать.

— В смысле? — хмыкаю от бредовости слов Игната. — Что ты не понимаешь? Что я не могу простить предательства? — на мгновение делаю паузу. — А ты бы смог?

— Я уже сказал, так получилось, но это ничего не меняет между нами, — Игнат тянет меня на себя.

— Я буду кричать, — предупреждаю, оглядываюсь по сторонам, но вокруг, как назло, никого нет. Да и охранник очень хорошо знает моего мужа, поэтому не выйдет проверить, что тут у нас происходит.

— Видишь, я пытаюсь с тобой поговорить, пытаюсь все наладить, но ты… — муж произносит с нажимом, — ты уперлась рогом из-за собственной гордости.

— Мы уже обо всем поговорили, — мотаю головой. — Особенно, с твоей любовницей. Зачем я вам?

— Да потому что мы семья, — Игнат берет меня за плечи, заглядывает в глаза. — Кому если не тебе мне доверять?

— Доверять?! — резко дергаюсь назад, наконец вырываясь из его рук, отступаю на шаг. — Ты смеешь говорить о доверии после того, что сделал? Игнат, да что с тобой? Ты сам предал это самое доверие!

Муж сжимает кулаки, его лицо искажает гримаса раздражения. Видимо, он начал терять терпение.

— Алена, хватит! — голос Игната становится жестче. — Я не собираюсь вечно бегать за тобой и упрашивать. Либо ты сейчас садишься в машину, либо…

— Либо что? — бросаю вызов, поднимая подбородок. — Применишь силу? Устроишь сцену? Или позовешь на помощь Марину, чтобы вдвоем меня уговаривали?

Игнат на секунду замирает, будто не ожидал такой реакции. Потом пристально окидывает меня ледяным взглядом.

— Ты сама все портишь. — он медленно выдыхает. — Я даю тебе шанс сохранить наш брак, а ты…

— Мне не нужен этот шанс! А ты… ты просто пытаешься найти себе оправдание, — перебиваю его, — чтобы не чувствовать себя последним подлецом.

Лицо Игната дергается, и я вижу, как в его глазах вспыхивает ярость. Он делает шаг вперед, поэтому отступаю.

— Оставьте меня в покое! — повышаю голос и разворачиваюсь, чтобы наконец уйти.

— Так где ты остановилась? — Игнат спрашивает с нажи-

мом мне вдогонку.

— У друга, — вырывается у меня, хотя я не планировала отвечать. Но пусть знает, что не только он умеет играть в эти игры. — Не только же тебе развлекаться.

С гордо поднятой головой делаю еще пару шагов, как вдруг Игнат снова перехватывает меня за локоть и дергает на себя.

— Дурацкая шутка, — рычит он, глядя мне в лицо. Его губы искажены в диком оскале, — Ну что ж… я тоже умею шутить. Да и я тебя предупреждал. Если ты уйдешь, то это развяжет мне руки, и я с легкостью смогу применить к тебе силу. У тебя есть дом, и ночевать ты будешь в нем, — Игнат тянет меня за собой к машине. — А уже там мы втроем наконец все обсудим. И ты поймешь, что нужна нашему ребенку.

— Пусти, — бью Игната по руке, пытаюсь вывернуться, но он не даже не думает разжать пальцы.

В пару шагов подтаскивает меня к задней дверце машины. Распахивает ее.

— Залезай, — командует он.

— Ни за что! — чеканю, глядя ему в лицо. — Я не поеду домой, тем более, когда там будет Марина.

— Родная моя, — Игнат вдруг мягко улыбается мне, тянется свободной рукой к себе в карман брюк. — Почему ты у меня такая упрямая? Но даже несмотря на твое поведение, я все равно дам тебе еще один шанс и спрошу снова: ты полезешь в салон сама?

Уверенно мотаю головой, снова дергаюсь в из хватки. Противные мурашки бегут по коже от пристального взгляда мужа. Что-то в нем меня настораживает.

— Ну ладно, — Игнат наигранно вздыхает. — Ты сама выбрала жесткий вариант, — в его голосе звучит издевательское сожаление.

Муж раскрывает передо мной ладонь, в которой в свете фонаря мелькает два серебряных браслета.

Мне нужно мгновение, чтобы понять, что это… наручники.

Глава 10

«Нужно взять себя в руки!» — уговариваю себя.

Быстро дергаюсь из хватки мужа, но Игнат движется стремительнее, словно предвидит каждый мог шаг. Прежде чем я успеваю отпрянуть, его пальцы перехватывают меня за запястье, сжимают его железной хваткой.

— Не дергайся, — тихо рычит муж, в нем слышится опасное напряжение. — А то, и правда, сделаю больно. А мне этого не хочется.

Холод металла касается кожи. Я инстинктивно пытаюсь вырваться, но муж лишь прижимает меня спиной к машине, ловит вторую руку. Щелчок наручников звучит оглушительно в вечерней тишине. Один браслет защелкнут на моей левой руке, второй пристегнут к дверной ручке со стороны салона.

— Вот и весь разговор, — Игнат отступает на шаг, осматривает меня. В его взгляде — смесь торжества и чего-то темного, что заставляет сердце биться чаще.

Я дергаю руку, но сталь лишь сильнее впивается в кожу. Кручу запястьем, пытаясь снять браслет, он царапает кожу, и только.

— Не надо, — Игнат качает головой. Он наклоняется ближе, и его дыхание обжигает губы. — Ты и так уже сделал достаточно глупостей на сегодня, — его пальцы скользят по

моей щеке, ласково, как будто не он только что лишил меня свободы. — И нужно было меня провоцировать?

Вдруг замираю. Смотрю на наручник, переливающийся на свету и… усмехаюсь.

— И что дальше? — поднимаю на Игната насмешливый взгляд. — Заставишь бежать за машиной, раз в салон не полезу? И как думаешь, какая вас с Мариной ждет после этого помощь? И каким будет разговор? Чего ты добиваешься вот этим? — поднимаю руку с браслетом насколько могу высоко, трясу ей в воздухе. Мой голос срывается.

— Ты сама провоцируешь вот на это, — Игнат склоняет голову к плечу. В его глазах снова мелькает решимость. — Ты думаешь, мне сейчас легко? Вместо того, чтобы ставить меня перед выбором, постаралась хотя бы понять, что я испытываю. Я чуть не потерял второго ребенк. И эта беременность…

— Не моя забота, — смотрю Игнату в глаза. — Я не заставляю тебя делать выбор. Выбирать не из чего.

Мы буравим друг другу взглядами. Мне жутко больно в груди, словно мне туда выстрели в упор. Поведение Игната перешло все границы. Я не понимаю, что творится в его голове.

—Ты права, — наконец тихо выдыхает он. — Сегодня от тебя толку никакого. Ты не услышишь то, что мы с Мариной хотим до тебя донести… снова.

— Расстегни, — требую, указывая подбородком на наруч-

ники.

Игнат делает шаг назад и… усмехается.

— А у меня нет ключа, — он пожимает плечами.

— Что? — мои глаза округляются. — Ты сейчас шутишь? Какого черта? Игнат!

— И что теперь будешь делать? — он снова подходит ко мне, наклоняется почти вплотную, его рука тянется в сторону. — Кричи, — требует с ухмылкой на губах.

Давлюсь воздухом. В какой-то момент мне кажется, что муж собирается меня поцеловать. Слишком близко он находится. Сжимаю губы как можно плотнее, уже хочу отвернуться, как тихое звяканье доносится до моих ушей, а в следующую секунду чувствую, что моя рука освобождается.

Резко отскакиваю от машины, будто она раскалена до предела. Смотрю на свое запястье, а потом на наручники. Игнат поднимает их и нажимает на маленький рычажок сбоку.

— Видишь, иногда ты сама все усложняешь, — философски изрекает он. — Они из секс-шопа, — он лезет в карман и достает оттуда розовый мех. — Достаточно было нажать сюда, — снова щелкает рычажком, будто ему это доставляет удовольствие.

— Да что с тобой не так? — это все, что я могу сказать.

Не могу поверить, что Игнат действительно это все сделал — приковал меня к машине… атрибутом для секса. Мне хочется вымыть руку с мылом. Неизвестно, на ком эти наручники уже побывали. Тошнота подкатывает к горлу то ли от

омерзения, то ли от пережитого испуга. А я испугалась!

— У тебя есть три минуты, чтобы уйти отсюда, — строго произносит Игнат. — Пока я не передумал. Сегодня нам обоим нужно остыть. Но если я узнаю, что ты была у какого-то мужика…

Не слушаю мужа, резко разворачиваюсь и быстро шагаю к метро. В какой-то момент не выдерживаю, срываюсь на бег. Мне кажется, что я слышу дыхание Игната за своей спиной, но когда врываюсь в вестибюль, за мной никто не заходит. Я сама поддалась собственной панике. Стыд опаляет щеки.

Ночью я долго не могу заснуть. Мне на дает покоя мысль о том, что же случилось между нами. Мы были счастливой семьей, а теперь… Нужно подать на развод, но сон смаривает меня быстрее, чем я успеваю это сделать.

На следующий день не успеваю появиться на работе, как мне звонит секретарша главврача.

— Алена, зайди, пожалуйста, — немного скомкано произносит она. — Илья Валентинович хочет тебя видеть.

— Но у меня сейчас прием, — я даже не успела снять пальто.

— Тебе его отменили, — в голосе Веры слышно извинение.

Не понимаю, в чем дело. Желудок скручивает от тревоги. Что-то не так.

Нерешительно шагаю в приемную, а оттуда сразу к главврачу. Стоит постучаться в дверь, как слышу громкое «Вой-

дите».

Дергаю на себя створку, всеми фибрами души не желая заходить внутрь.

— Вызывали? — прикрываю за собой дверь.

— Да, Алена, проходи, — Илья Валентинович сидит за столом, нависая над ним. Кустистые брови главврача сведены к переносице. Он смотрит на меня тяжелым взглядом. — Присаживайся, — кивает на мягкий стул перед массивным столом из темного дерева. — Разговор будет не из приятных. Не знаю, как тебе сказать, но, боюсь, нам придется расстаться. Руководство клиники пришло к решению уволить тебя.

Глава 11

— Прошу прощения? — недоуменно хмурюсь, глядя на Илью Валентиновича. Желудок предательски сжимается в тугой узел, отчего живот сводит в противном спазме. — Это шутка? — сглатываю вязкую слюну.

— Ох, Алена, — главврач трет переносицу. — Увы, нет. Очень жаль, что именно мне приходится тебе об этом говорить, но… — он делает паузу.

Видно, что Илье Валентиновичу тяжело говорить, но он не отводит от меня взгляда. Смотрит мне в глаза твердо и слегка сочувствующе. Ерзаю на стуле, который в миг кажется неудобным. Я не помню, как в нем оказалась. Видимо, от шока мой мозг на мгновение заклинило.

— Я не понимаю, — облизываю пересохшие губы. — Я же… за что?

— Ты дискредитировала клинику, — главврач шумно вздыхает. — Нанесла ущерб репутации клиники. Если бы это была обычная больница, никто бы и слова не сказал. Но это элитное учреждение. Здесь отзывы клиентов превыше всего. А ты… еще и публично…

— Нет, — мотаю головой, неловко улыбаюсь. — Это точно шутка. Я ничего не делала.

— Алена, есть видео, — Илья Валентинович разворачивает ко мне экран монитора. Давлюсь воздухом, когда вижу

знакомый ресторан и меня… стоящую рядом с Игнатом и задыхающейся Мариной. Мои глаза расширяются в немом ужасе. Откуда у главврача взялась это запись с камер наблюдения? — Вижу, ты понимаешь, в чем дело.

— Нет, — мой голос звучит глухо. — Тогда я спасла ее. Сделала все, как надо. Эта… женщина была вчера на приеме. Здоровая и беременная.

— Да, но ты… ты медлила, — Илья Валентинович произносит с нажимом.

— Так я оценивала ситуацию, — произношу твердо. Отстраняюсь назад, будто передо мной пролетела оса, которая желает меня ужалить.

— А у меня другая информация, — тихо, с нажимом произносит Илья Валентинович. — Здесь слишком все очевидно для специалиста твоего уровня, чтобы столько времени оценивать ситуацию.

Сколько времени? Секунды? Непроизвольно тянусь к шее, чтобы потереть ее, но одергиваю себя. Я все сделала правильно… Поступила по инструкции. Мне нужно все объяснить. Стараюсь держать себя в руках, но внутри закручивается вихрь эмоций. Дышать становится все тяжелее. Обвинения слишком серьезные. Сейчас стоит под угрозой не только моя работа, но и моя компетентность. То, что мне пытаются вменить — недопустимо для врача.

— Даже если, как вы говорите, и было промедление, то оно было незначительным, — сжимаю на бедрах трясущиеся

руки. Не могу понять, это волнение или гнев? — Я была в… легком шоке, — сейчас нужно тщательно подбирать слова, иначе они, действительно, могут быть использованы против меня. — Потому что застала мужа с… другой. Эта дама — любовница Игната, как бы не прискорбно мне было это признавать. В тот момент…

— Ты думала об убийстве? — слова Ильи Валентиновича больно режут по гордости.

— Что? Нет! — вскрикиваю. — Нет же!

— А выглядит именно так! — вдруг резко выплевывает главврач. — Алена, со стороны тут два варианта: либо ты некомпетентна, либо раздумывала о том, чтобы дать этой женщине умереть. И я не знаю, какой вариант приемлемее. В любом случае, если это видео просочится в Интернет, то клинике будет нанесет существенный урон. Сама подумай, кто пойдет ко врачу, который в экстренной ситуации «раздумывает»? Даже если подключить юристов, то все равно, наш бизнес — сарафанное радио. Один нелестный отзыв, и все, люди могут перестать к нам записываться. Конкуренция слишком высокая.

Снова смотрю на видео, которое стоит на повторе. Вот я подбегаю… замираю… стою, не двигаясь… Игнат что-то мне говорит… бросаюсь вперед, отталкивая его, и раз… два… три… Марина закашливается, падая в объятия моего мужа. Все.

— Мне нужно было это время, — произношу тихо.

— Там каждая секунда была на счету, — главврач стучит по столу ладонью. — Это будет чудо, если пострадавшая не предаст дело огласке. Какой из тебя врач, если ты не умеешь абстрагироваться?!

— Но я именно это и сделала! — произношу четко, чтобы он наконец услышал. — Поставьте себя на мое место! Неужели вы действительно думаете, что я планировала дать ей умереть? — вскакиваю с места.

Смотрю в глаза Илье Валентиновичу. Не могу поверить, что он отворачивается от меня. Главврач же был моим наставником. Мы познакомились в институте, где он преподавал у нас. Именно на своих парах он меня и приметил меня, а после порекомендовал в эту клинику. Главврач очень хорошо знает меня.

— Алена, — наконец он вздыхает. — Здесь важно не то, что думаю я, а то, что думает руководство, и что подумает общественность. Ты в любом случае будешь в проигрышном варианте.

— Но ведь… — не могу поверить, просто не могу поверить, что все это происходит со мной.

Опускаю взгляд в пол, невидяще смотрю в одну точку. Грудь раздирает стальными когтями. За что мне все это? В голове проскальзывает мысль, что нужно было согласиться вести Марину, тогда не было бы вчерашнего случая с Игнатом, и сегодняшнего дня.

— Откуда у вас видео? — поднимаю голову, смотрю в гла-

за Илье Валентиновичу.

— Я не могу тебе сказать, — он поджимает губы. — Алена, прости, но я ничего не могу сделать. Я пытался вчера…

Видимо, когда я заходила в приемную, как раз решалась моя судьба. Вот так, каким бы ты ни был специалистом, тебя легко могут выкинуть, если ты становишься неугодной.

— Но видео и комментарии пострадавшей, — главврач указывает ладонью на монитор. — В совокупности это очень печальная картина. Ты чуть не нарушила данную тобой клятву, и вообще могла попасть под уголовку. В любом случае, теперь ты — пятно на репутации клиники.

— Я… поняла, — мои руки падают по швам.

По глазам главврача я вижу, что нет смысла что-либо доказывать. Все уже решено, и любые мои слова будут звучать неубедительно. Как бы я не старалась, меня никто не послушает.

— Алена, — Илья Валентинович встает из-за стола. — Такое бывает. Ты только в самом начале пути, — он понижает голос, — если бы решение зависело только от меня… Но руководство категорично.

— Всего доброго, — киваю ему и выхожу из кабинет.

Меня больше ничего здесь не держит, и выслушивать ничего не значащие слова поддержки я тоже не собираюсь.

Стоит мне прийти домой, мама выходит из кухни, тяжело вступая на больную ногу.

— Ты чего так быстро? — она вырает руки полотенцем.

— Меня уволили, — скидываю обувь, желая как можно быстрее оказаться в постели и зарыться с головой под одеяло.

— Из-за чего? — голос мамы становится жестче.

— Давай, пожалуйста, поговорим чуть позже, — поднимаю на нее уставшие глаза. — Я сейчас не хочу… не могу это обсуждать, — двигаюсь в сторону своей комнаты.

— Из-за чего? — мама грубо хватает меня за руку, с силой сжимает ее.

Тяжело вздыхаю, понимая, что просто так не отделаюсь от нее.

— Я якобы долго помогала любовнице мужа, когда она подавилась, тем самым поставила репутацию клиники под угрозу, — пожимаю плечами. — Но прошло всего лишь мгновение… это был шок.

— Опять? — ее голос дрожит от ярости. — Ты снова поставила чужую жизнь под угрозу?! Тебе нельзя быть врачом. Боже, я вырастила настоящее чудовище!

Глава 12

— Ты что такое говоришь? — неверяще смотрю на маму. Дыхание спирает от ее слов. — Чудовище?

— А кто ты? — мать начинает кричать. — Кто?! Убийца! Сначала оставила меня без внуков, а теперь и мужа своего решила оградить от детей? Да что с тобой не так?! Вся в отца! Не нужно было рожать от него!

Жесткие слова, словно лезвие бритвы, проходятся по сердцу. Это же мама… родная мама. Она должна быть на моей стороне. Смотрю в ее озлобленные глаза и не вижу там ничего, кроме презрения.

— Убирайся! — шипит мать. — Я не потерплю в своем доме человека, порочащего профессию врача!

Это становится последней каплей. Отчаяние захлестывает с головой, и… мне вдруг становится все равно. Теперь уж точно хуже быть не может.

— Не переживай, — подхожу к маме вплотную. Выплевываю в лицо, больше не сдерживаюсь. Не вижу смысла. — Я не задержусь здесь дольше положенного.

— И не смей больше работать врачом, — долетает мне в спину, когда я иду собирать свои вещи, которые толком даже не разобрала. — Таких, как ты, нельзя подпускать к людям.

На мгновение прикрываю глаза, вспоминая, как буквально на прошлой неделе спасла малыша, у которого вокруг

шейки была обернута пуповина. Я не монстр! Нет! Мама ошибается.

Холодный пот скатывается по спине. Мне нужно пять минут, чтобы запихать вещи в чемодан и взять своего старого плюшевого мишку. Он уже потрепался, но когда-то давно мама с папой подарили мне его, и он до сих пор жил в этой комнате. С ним мне хотя бы не будет одиноко.

Когда выхожу в коридор, мама стоит в дверях кухни, сжав руки на груди. Ее тяжелый взгляд пронзает насквозь. Чувствую себя идущей на эшафот. Хмыкаю. Молча обуваюсь и также молча выхожу из квартиры.

— И чтобы духу твоего здесь больше не было! — цедит мама, а после дверь с грохотом закрывается за моей спиной.

Вот так, все, что было мне дорого, выскользнуло у меня из рук, словно песок, который я всеми силами пыталась удержать.

— Ну и ладно! — пожимаю плечами, глядя в черные глазки горчичного цвета мишки.

Выхожу на улицу и иду куда глаза глядят. Чемодан прыгает на асфальте, наезжая колесиками на камешки.

Идея приходит незаметно. Не сразу ее улавливаю, но когда она оформляется к голове, торможу и тут же вызываю такси, которое увозит меня на железнодорожный вокзал. Там сажусь на электричку, и еду в Подмосковье. В Москве меня все равно никто не держит, а там есть человек… даже два, которые, я надеюсь, по-настоящему любили меня, и у кото-

рых я давно не была.

Стоит выйти из поезда, снова заказываю такси и еду на… кладбище. К бабушке Нине по отцовской линии. Я настолько в отчаянии, что мне нужно выговориться хоть кому-то, а она меня выслушает. Всегда выслушивала.

Тишина кладбища кажется настолько густой, что я буквально чувствую, как она оседает на коже. Я иду по асфальтовой дорожке, которую уже лет двадцать никто не ремонтировал. Вдоль нее тянутся старые толстые деревья. Воздух прозрачный и холодный, но он другой… не такой, как в Москве. Им словно невозможно надышаться, поэтому вдыхаю его как можно чаще.

Вокруг никого нет. Лишь разнообразные надгробия безмолвно провожают меня. Рядом с бабушкиной могилой стоит неизменный клен, который роняет на землю багряные и золотые листья.

— Прости, бабуль, я сегодня без цветов, — дотрагиваюсь до серого холодного гранитного памятника. Он слегка влажноватый от осенней сырости. — Давно не виделись, — я всегда с ней разговариваю, когда приезжаю. Меня это успокаивает.

Стараюсь не смотреть в бок, но взгляд все равно тянется туда. Там, рядом с тем самым кленом, растущим прямо в пределах ограды, примостилась маленькая могилка. Мой малыш… мой мальчик. Мы так и не дали ему имени, потому что спорили с Игнатом на эту тему до самого конца, а по-

том… уже не было смысла. Но мое сердце все равно постоянно тянется к нему, хоть это и тяжело.

— Привет, милый, — все-таки не выдерживаю, подхожу к могилке, присаживаюсь перед ней, кладу руку на рассыпчатую землю. Маленький ангелок стоит рядом с коричневым крестом. — Мамочка сегодня без папочки, — чувствую, как слезы текут по щекам. — Но ты не переживай, все хорошо. Он в полном порядке. А ты как там? Я очень по тебе скучаю.

Замолкаю, ожидая, что кто-то мне вот-вот ответит. Сердце трепещет в груди. Но я немного прихожу в себя в тишине, царящей вокруг. Мне действительно становится хорошо. Два моих близких человека рядом, в руке все еще держу старого мишку, который хранит в себе счастье моей когда-то благополучной семьи. Все это говорит о том, что все-таки в моей жизни было счастье. И оно еще может быть.

Спустя какое-то время, наплакавшись вдоволь, я наконец нахожу в себе силы подняться. Ноги жутко затекли, отчего по ним бегут колючие мурашки. Пытаюсь их стряхнуть, но никак не получается. Отряхиваю руку от земли. Как вдруг на загривке волосы встают дыбом. Чувствую на себе чужой взгляд.

— Алена? — знакомый мужской голос заставляет вздрогнуть.

Сначала пытаюсь уверить себя, что мне показалось. Мозг играет со мной. Это жестокая шутка.

— Алена! — голос зовет громче.

Нерешительно оборачиваюсь. Мои глаза округляются. Сильнее прижимаю мишку к себе, сдавливаю его рукой.

— Ты?!.. Как ты вообще... — вырывается у меня. — Что ты здесь делаешь?!

Глава 13

— Приехал проведать, — кривоватая полуулыбка трогает тонкие губы… отца. — Все-таки я давно не был у матери. А тут ты. Как ты, зайчонок?

Детское прозвище заставляет поежиться. Слишком давно я его не слышала. Насколько я знаю, когда папа ушел, он не искал встречи со мной, потому и я не искала его, когда стала взрослой. И сейчас… я не знаю, как вести себя с человеком, который должен быть мне родным, но стал абсолютно чужим.

Высокий, худощавый, с почти всеми седыми волосами, папа добродушно смотрит на меня ярко-голубыми глазами и улыбается. Его синяя дутая куртка слегка потерлась на рукавах, из-под нее торчит ворот серого свитера. Папа вытирает ладони о джинсы и расставляет их в стороны.

— Иди обними старика, — он улыбается шире, но я не двигаюсь.

Остаюсь стоять на месте. У меня ступор. Моргаю, встряхиваю волосами. Нет, мне не кажется, отец действительно стоит передо мной.

— Так зачем ты приехал? — повторяю свой вопрос почти шепотом. — Вряд ли только проведать бабушку.

Когда первый шок проходит, в сердце остается лишь обида… маленькая Алена все никак не может понять, почему ее

папочка оставил ее. Да, с мамой было тяжело, но дочь… у него же была дочь!

— Ну, ладно, — папа расстроенно опускает руки. — Мне нужно было проверить квартиру, заодно решил зайти к маме.

Да, это тоже странная история. Когда мама с папой разошлись, он первое время жил у бабушки, а потом переехал в другой город, оставив ее одну. Больше о папе никто ничего не слышал. Связи с ним тоже никакой не было, о чем бабушка очень переживала. Бабуля умерла внезапно, мы не ожидали этого, поэтому она даже не успела подготовить завещание. Мне не нужна была ее квартира, просто в ней хранилось очень много приятных воспоминаний. Я часто сбегала к бабуле на лето, и это были прекрасные недели в тишине.

Удивительно, но папа каким-то образом узнал о смерти бабушки и даже вступил в наследство, ни слово не говоря. После этого замки в квартире были заменены, а папа снова больше не появлялся… до сегодняшнего дня.

Приподнимаю бровь, всматриваясь в морщинистое лицо отца. Он почти не изменился, только постарел. Но глаза все те же — добрые и отзывчивые, и улыбка нерешительная.

— Зайчонок, я понимаю, что ты злишься, — папа смущенно трет шею. — Но пойми, я не мог больше жить с твоей мамой…

— А я? — обвинительный вопрос самой собой срывается с губ. — А как же? Твоя дочь? Ты даже не пытался со мной

встретиться!

— Пытался! — папа наклоняется немного вперед. — Еще как пытался, но твоя мать запрещала… не давала.

Прищуриваю глаза, почему-то не могу поверить в слова папы.

— Я столько раз приезжала к бабушке… ты мог у нее… — я очень часто, лежа в кровати перед сном, планировала этот разговор. Но сейчас все слова забылись, испарились из головы.

Возможно, будь я более собрана, все бы было по-другому, вот только я раскалена до предела, и мне хочется на ком-то сорваться. И отец, пропадавший столько времени — хороший кандидат.

“Нет!” — торможу себя. — “Так не пойдет. Нужно уходить, пока еще и с ним не поругалась”.

Папа продолжает стоять, вытянув руки вдоль тела — беспомощный и виноватый.

— Зайчонок, все очень сложно, — тихо произносит он.

И тут все очень сложно! Тихо усмехаюсь. Когда же в моей жизни будет все просто?! Наверное, нескоро.

Сжимаю руки в кулаки. Мне стыдно признаться, но на какую-то долю секунды я допустила мысль, что папа здесь из-за меня, вот только он сам убил во мне эту призрачную надежду, и теперь я не вижу смысла больше задерживаться. Неожиданная встреча становится тягостной для нас обоих, поэтому направляюсь к своему чемодану, беру его за ручку и качу

в сторону выхода.

— Рада была увидеться, — киваю папе, проходя мимо.

— А почему ты с чемоданом? — он перехватывает меня за локоть. — Что-то случилось?

Смотрю папе в глаза, почти готовая вырваться, но вовремя останавливаю себя. Он не заслуживает моей злости… уже нет.

— Ничего страшного, — пожимаю плечами. — Просто на какое-то время решила задержаться здесь, — отвечаю как можно неопределеннее.

Папа замирает, всматривается мне в лицо, а после его взгляд светлеет.

— Тогда, если ты еще нигде не остановилась, пойдем со мной? — он ярко улыбается. — Я сейчас живу в квартире бабушки. Заодно и пообщаемся. Как ты на это смотришь?

В его голосе мне слышится… отчаяние, смешанное с надеждой.

Глава 14

В квартире бабушки ничего не изменилось. Все тот же длинный узкий коридор с одной лампочкой, отбрасывающей теплый свет на желтоватый линолеум, все те же молочного цвета обои в странный цветочек, все та же пенопластовая плитка в рубчик на потолке. Стоит пройти дальше, как я случайно сшибаю старенький потрескавшийся комод. Тру ушибленное бедро. Сажаю мишку, которого все еще держу в руках, на несчастный комод, над которым висит зеркало.

— Давай сюда, — папа ставит чемодан рядом с железной обувницей, помогает мне снять пальто и вешает его в небольшой, но высокий шкаф.

До сих пор не понимаю, как позволила себя уговорить пойти с отцом. Мне неуютно рядом с ним. Чувствую себя неловко, как бывает, когда в шумной компании никого не знаешь, и вдруг к тебе кто-то подходит.

— Спасибо, — киваю, продолжая топтаться на месте.

Я сотню раз была в этой квартире, но теперь чувствую себя по-настоящему в гостях.

— Ты чего? — папа кладет руку мне между лопаток, подталкивает вперед. — Проходи, все же свое, родное.

Приподнимаю уголки губ. Нерешительно направляюсь на кухню. Папа следует за мной. Ему тоже неловко — это видно по сгорбленным плечам и ссутуленной спине. Он дерган-

но щелкает кнопку на электрическом чайнике. Простенький белый кухонный гарнитур в серую мурашку все также находится на месте. Старый холодильник шумно тарахтит, подавая признаки жизни. Сажусь на мягкую лавочку, углом тянущуюся вдоль стены и окна без занавесок. По моему, раньше они были. Или нет? Хмурюсь, пытаясь вспомнить.

— Ну рассказывай, — папа ставит передо мной высокий стеклянный бокал с синим цветком на одной стороне.

Пакетик чая плавает в дымящейся воде. Я и не заметила, как ушла в свои мысли. Обхватываю кружку ладонями и тут же отдергиваю их, обжигаясь. Беру пакетик за бумажку, несколько раз дергаю его, наблюдая, как вода окрашивается в коричневый оттенок.

«Становится грязной», — странная мысль проскальзывает в голове.

— Да нечего особо рассказывать, — поднимаю на папу глаза.

Он ставит плошку с разноцветными конфетами. Их немного, но я им рада. Хочется хоть какой-то сладости в жизни.

— Как там мама? — папа опускает глаза в свою кружку.

— Все также, живет, — мне неприятного говорить о ней. Но папе этого знать необязательно. — У нее проблемы с бедром. Тяжело ходить, но операцию делать не хочет…

— Конечно, она же медик от Бога, — усмехается папа. — И сама знает, как лечиться, — в его голосе слышна слегка

уловимая неприязнь.

— Это да, — киваю.

Мне нечем крыть. Я думаю, что мама как раз и считает, что, окажись она на моем месте, то смогла бы спасти… моего малыша. А я… не буду думать об этом!

— Я вышла замуж, — продолжаю говорить, чтобы заполнить тишину. Почему-то мне от нее становится еще некомфортнее. — Удачно. Он владелец элитных автомастерских. Так что…

— Деньги у вас имеются, — заканчивает за меня папа.

— Да, — «имелись» — добавляю про себя. Хотя я и неплохо зарабатывала, но до Игната мне было далеко.

— А ты, поди, домохозяйка теперь, — папа громко отхлебывает горячий чай.

Мурашки бегут по коже от понимания, что эта его привычка не изменилась. Он всегда так делал, после этого неизменно мама высказывала свое недовольство, говорила, как ее раздражает его манера «хлебать» как свин, а я под шумок тянулась к лишней конфете. Невольно улыбаюсь и беру «Коровку» — папину любимую.

— Нет, я выучилась на медика, — раскрываю фантик.

— Мать все-таки заставила, — папа ставит кружку на стол.

— Да нет, не сказала бы, — кусаю конфету, прикрываю глаза от ощущения сахара на языке. Приятно. Маленькая радость взрывается в груди. Ловлю себя на мысли, что

мне… спокойно. Наконец-то я не нервничаю. — Мне нравится быть врачом, — распахиваю веки, смотрю на отца. — Я акушер-гинеколог, помогаю деткам появиться на свет, и не только. Говорят, у меня талант.

Почему-то мне хочется превознести себя в глазах отца, показать, что я стала хорошей дочерью, чтобы он пожалел о том, что не общался со мной все это время. Знаю, что веду себя как ребенок, но ничего не могу с этим поделать.

— Умничка, — улыбается папа, запихивая в рот целую конфету.

— А у тебя как дела? — спустя мгновение тишины задаю свой вопрос, понимая, что реакции, которую я жду, не будет.

— Да как тебе сказать, — папа ерзает на месте. — Все хорошо. Работаю на заводе, живу в соседней области. В целом, не жалуюсь… женился повторно, — он поднимает на меня виноватый взгляд.

Замираю. Осознаю, что ничего не могу предъявить папе, но я не была к такому готова. В груди возникает ощущение, будто меня предали. И это неправильно!

— Как давно? — спрашиваю шепотом.

— Почти десять лет, — виновато отзывает отец.

Ну ладно, хоть не сразу после того, как ушел от нас. Немного успокаиваюсь. Видимо, я испугалась того, что и папа изменял маме, но нет — здесь другое. Тихо выдыхаю.

— У тебя есть маленькая сестренка, — папа тепло улыбается. — Ей шесть, такая забавная. Настенка.

Расцветаю в ответ. Мне бы хотелось с ней познакомиться. Я уверена, что мы бы понравились друг другу. Но не говорю этого вслух — папа, если бы хотел, сам бы предложил. А раз не делает этого, то не стоит ставить его в неловкое положение.

— Значит, все хорошо? — тянусь к папе, беру его руку в свою.

Он вздрагивает, видимо, от неожиданности, но тут же переворачивает ладонь вверх и переплетает наши пальцы, сжимает свои.

— В целом, да, — папа печально смотрит мне в глаза. — Мне жаль, что все так вышло.

— Не надо, — в эту минуту я не жалею, что согласилась пойти с папой.

Я скучала по нему… очень скучала, и в глубине души верю, что он тоже тосковал по мне.

— Хорошо, — кивает папа.

Остаток вечера мы рассказываем друг другу ничего незначащие истории с работы, я делюсь моментами из жизни, но не углубляюсь в подробности. Нам обоим пока что этого достаточного.

— Ладно, я пойду, — говорю, когда на улице становится совсем темно.

Помнится, недалеко есть гостиница, так что поеду туда.

— Да уже поздно, — папа неловко указывает ладонью в окно. — Давай оставайся, нечего мотаться в такую темень.

А завтра вместе поедем. Так что не глупи.

Смотрю ему в глаза, и, честно говоря, мне не хочется никуда уезжать. Мне хорошо в бабушкиной квартире — в ней все пропитано радостными воспоминаниями, поэтому я почти не сопротивляюсь папиному предложению.

Мне отводится бабушкина комната, где стоит полуторо-спальная кровать с высокой пириной. Бабуля любила спать на мягком, мне же жутко неудобно и непривычно. Папа ложится в зале. Всю ночь я ворочаюсь с боку на бок, но наконец под утро засыпаю.

А когда открываю глаза вновь, то почему-то оказываюсь в больнице, и мне жутко холодно.

Глава 15

Заторможено осматриваюсь по сторонам. Белый потолок отливает голубоватым оттенком из-за света лампы. Я лежу на удобной кушетке. Все вокруг выглядит холодным, странноватым. Моргаю.

— Щекотно, — вздрагиваю, когда врач касается прохладным датчиком, смазанным липким гелем, к оголенному животу и начинает водить по коже.

Взрослый мужчина в очках с толстыми линзами внимательно всматривается в экран, расположенный перед ним, хмурит кустистые брови. Но меня это не пугает. Многие врачи так поступают, когда что-то изучают.

— Ну что, покажете мне моего хулигана? — улыбаюсь, тоже пытаюсь всмотреться в размытые тени на экране, который находится ко мне полубоком. Улыбка не сходит с моего лица, потому что я безумно счастлива. — Вчера, мне кажется, у меня внутри происходил какой-то футбольный матч…

Врач не отвечает. Его пальцы замирают, вдавливая датчик сильнее в кожу. Лицо мужчины становится каменным. Изучаю его. Сердце пропускает удар. Сглатываю.

— Что-то не так? — инстинктивно тянусь рукой к животу. Ощущаю под ладонью круглую, уже такую привычную и родную выпуклость. — Доктор, в чем дело? — привстаю на локте.

— Сердцебиения нет, — глухо отзывается врач.

Два слова… всего два слова раскалывают мой мир на «до» и «после».

— Как нет? — мотаю головой. Не понимаю, не могу понять. — Но… но я же чувствовала малыша вчера, — шепчу. — Это ошибка, посмотрите еще. Или дайте мне, я сама гляну, — тянусь к врачу.

Он разворачивает экран ко мне. Черно-белое изображение хорошо мне знакомо. Я столько раз это все видела на работе, что не сосчитать. Настороженно всматриваюсь. Все мое внимание устремлено в одну точку. Невольно прислушиваюсь… в ушах звенит страшная, необъяснимая тишина. Там, где должно было стучать маленькое сердечко моего сына, видна лишь неподвижность.

— Плод замер примерно неделю назад, — врач всматривается мне в глаза.

Он напряжен, видимо, ожидает от меня криков, слез. И я хочу… хочу закричать, но внутри все еще теплится надежда.

— Мы… мы можем еще раз проверить? — облизываю пересохшие губы. — Может, аппарат… — скребусь ледяными пальцами по натянутому животу.

Нет, если бы что-то было не так, я бы заметила. Я же, черт возьми, врач! Я бы поняла, если бы что-то произошло. И я же мать! Я бы почувствовала, если бы моему малышу стало плохо. Так что, это точно ошибка!

— Нет, это не ошибка, — врач будто читает мои мысли.

— Нет, нет, нет, — откидываюсь на кушетку, мотаю головой.

— Так бывает, — мягко произносит врач.

— Не бывает, — резко сажусь. — Не бывает! — кричу. — Не бывает! — хочу вскочить на пол.

— Успокойтесь, — доктор пытается меня перехватить, удержать.

— Нет! Вы напутали, — слезы прыскают из глаз. Меня начинает трясти. — Я сама… я сама все посмотрю. Нет, дайте пройти, — начинаю вырываться их крепкой хватки.

Внутри разрастается нереальная пустота. Сердце готово в любой момент лопнуть от боли. Меня тошнит, трясет.

— Я не гроб! — шепчу. — Он жив… — пытаюсь убедить саму себя. — Мне скоро рожать, — снова дергаюсь, кажется, ударяю врача локтем в грудь. Плевать!

— На помощь, — кричит доктор, оттесняя меня обратно к кушетке.

Дергаюсь, вырываюсь. Это все сон! Это все сон!…

— Это все сон! — распахиваю глаза и не могу понять, где нахожусь.

Моргаю, резко сажусь, пытаюсь прийти в себя. Мысли постепенно приходят в норму. В окно бьет сероватый свет. На улице уже утро. Постепенно вспоминаю, что я у бабушки. Вчера мы с папой до вечера разговаривали.

А больница мне приснилась… снова.

— Черт! — наклоняюсь вперед, встряхиваю волосами. — Это же прошло.

Этого сна уже давно не было, и вот снова. Кладу руку на живот, через свитер, который я вчера не сняла, чувствую пустоту внутри. Теперь так всегда. Замираю, чтобы успокоить дыхание, но не успеваю прийти в норму, как в сознание врывается щелчок входного замка.

Папа куда-то уходил?

Вскакиваю с кровати, натягиваю джинсы.

— Пап, ты где… — выхожу в коридор и застываю.

Незнакомые мужчина и женщина замирают посреди прихожей. Им обоим лет по сорок. Невысокого роста. Темно-каштановые волосы женщины забраны в пучок. Мужчина поправляет очки.

«Как у доктора во сне,» — проносится быстрая мысль.

— Прошу прощения, а вы кто? — первая прихожу в себя.

— Мы новые хозяева квартиры, — тихо отзывается женщина. — А вы?

— Как? — отступаю. Неверяще всматриваюсь в людей перед собой. — Мой папа хозяин.

— Нет, — мужчина делает маленький шаг вперед. — Мы купили эту квартиру. Вчера получили документы.

Не могу поверить, что папа не сказал мне об этом. Более того, где он сам? Заглядываю на кухню. Там уже все убрано. От вчерашнего чая и конфет не осталось и следа… как и от отца. Не могу понять, что происходит.

— Вы можете уйти? — нерешительно произносит женщина, настороженно глядя на меня.

На мгновение замираю, пытаясь сообразить в чем дело. Но ключи в руке женщины говорят о многом… о всем!

— Да, конечно, — наконец неопределенно киваю.

Я думала, что смогу задержаться в квартире еще на пару дней, но теперь ничего не понимаю. Как так? Почему папа ничего не сказал? Почему не разбудил?

— Простите, — шепчу. — Дайте мне минутку.

— У вас есть ключи от квартиры? — строгий голос мужчины ловит меня перед входом в комнату.

— Нет, — не оборачиваюсь. — Я здесь оказалась случайно. Папа… — обрываю себя, не в силах высказать свою мысль.

Захожу в комнату, нахожу носки и только сейчас замечаю на тумбочке рядом с кроватью под своим телефоном какой-то лист бумаги. Подхожу туда, осторожно, словно передо мной таракан, беру листок, который оказывается запиской.

Неровный размашистый почерк прыгает в маленьких квадратиках.

"*Дочка, прости*, — я читаю слова голосом папы. — *У меня сейчас не очень хорошо с деньгами, а ты при муже. Я все верну… позже.*

Люблю тебя, папа".

Не могу понять, о чем он. Бужу телефон и беззвучно ахаю. На экране высвечивается три сообщения с кодом для перевода денег. Резко проверяю чехол — банковская карта на месте. Лезу в приложение банка. Задыхаюсь от беспомощности. На счету, на котором было почти триста тысяч, осталось всего сорок. Все остальные деньги были переведены на неизвестный мне счет.

Папа обчистил меня!

Глава 16

— Это все? — следователь — полноватый мужчина в возрасте с пятном кетчупа на белой клетчатой рубашке, забирает мое заявление. Бегает по нему карими глазами.

Я сижу на неудобном стуле в маленьком душном кабинете. Меня тошнит от спертого воздуха.

— Нет, — лезу в сумку, вспоминая о записке. — Вот еще, — протягиваю ее мужчине.

Он берет листок двумя пальцами, внимательно читает, что на нем написано, а затем поднимает на меня полный осуждения взгляд. Ерзаю на стуле. Стыд тут же опаляет щеки.

«Пишешь заявление на собственного отца!» — отчитываетменя внутренний голос.

Но я пытаюсь прогнать его как могу. Не я воткнула нож в спину, а отец. Я никак не ожидала, что спустя столько лет наша встреча закончится именно так. Чувствую себя обманутой и глупой. В очередной раз корю себя за то, что осталась на ночь в квартире бабушки. Если бы я этого не сделала, все бы было в порядке, и мои воспоминания о папе не были бы изгажены. А теперь я унижена и без денег. Если до этого у меня была возможность снять квартиру и спокойно искать работу, то теперь мне срочно нужно что-то делать.

В момент особого отчаяния я чуть не позвонила Игнату,

но отложила этот вопрос на чуть позже. Это было правильное решение.

— Так, хорошо, — следователь кивает. — Мы зафиксировали ваше заявление. Будем держать вас в курсе. Но вы уверены, что хотите, чтобы мы возбудили дело против вашего отца? Деньги вы вряд ли вернете, а на родителя можете повесить уголовку.

— Ничего страшного, — заявляю решительно, хотя у самой сосет под ложечкой. — Спасибо! — наконец поднимаюсь с места.

Уже на выходе слышу недовольный голос: «ну и дети пошли… нет бы простить, а денег жалко», после чего дверь кабинета закрывается с тихим щелчком. Не возвращаюсь, чтобы что-то доказать. Не вижу смысла.

Когда выхожу на улицу, меня охватывает такое дикое отчаяние, что я просто сажусь на первую попавшуюся лавочку, ставлю чемодан рядом, опираюсь локтями в бедра и зарываюсь руками в волосы, сжимаю их в кулаки и тяну в стороны. Я надеюсь, что легкая физическая боль отвлечет от душевной, но нет… ничего не выходит. Холодный ветер забирается под одежду. Я его почти не чувствую. Кажется, я заледенела изнутри. Сил нет даже двигаться, да, честно говоря, я пока и не знаю, куда мне идти.

В голове пусто. Мозг отказывается принимать решения. Папа окончательно выбил меня из колеи. Еще один родной человек предал меня.

Вибрация телефона заставляет вынырнуть из собственных мыслей. Нехотя тянусь за гаджетом, но тут же шаре раскрываю глаза, когда вижу, что сообщение пришло от Ильи Валентиновича. Призрачная надежда вспыхивает внутри. Может, меня хотят вернуть в клинику? Читаю ровные строчки.

«Алина, мне жаль, что все так получилось. И чтобы загладить вину, я порекомендовал тебе в одно место. Собеседование завтра в 10.00. Хотя бы просто сходи.»

Сердце слегка ускоряет свой ритм. Перечитываю сообщение еще раз. Это конечно не то, что я ожидала, но уже что-то. Невольно дергаю уголком губ.

— Нужно только начать, — успокаиваю себя.

Но это означает, что мне придется вернуться в Москву. Облизываю пересохшие губы. А важно ли это? И не слишком ли глупо бежать от своих проблем?

С этими мыслями я приезжаю обратно в Москву, где заселяюсь в маленький, но уютный номер, пропахший пылью и запахом дешевого освежителя воздуха.

На следующий день еду по указанному адресу. Это оказывается государственный перинатальный центр. Руки немного подрагивают от волнения, когда иду в кабинет заместителя главного врача. Замираю перед обычной белой дверью. Честно говоря, это всего второе собеседование в моей жиз-

ни, поэтому я очень волнуюсь. Костяшками холодных пальцев стучусь в створку.

— Войдите, — звучит бодрый женский голос.

Обхватываю металлическую ручку и нажимаю на нее. Дверь бесшумно открывается, а я замираю на пороге, не решаясь двинуться дальше. Кажется, у меня слегка приоткрывается рот.

— Привет, — улыбается знакомая мне девушка. — Что, наша золотая птичка прилетела на собеседование? Ну давай пообщаемся. Давно же не виделись.

Невольно веду плечами, задумываясь над превратностями судьбы. Передо мной сидит моя бывшая одногруппница, которая когда-то списывала у меня на экзаменах, а теперь она будет собеседовать меня на работу.

Глава 17

— Привет, — неловко закрываю за собой дверь, глядя на Милу, которая грациозно поднимается из-за стола.

Высокая, стройная, красивая — она сводила с ума всех наших парней в институте. Мила одергивает черное платье-футляр, откидывает длинные волнистые черные волосы за спину и ярко мне улыбается.

— Привет?! Привет?! — бывшая одногруппница буквально подлетает ко мне и радостно обнимает меня, затем берет за плечи и начинает меня рассматривать. Ее ярко-голубые глаза сияют довольством. — Так ты встречаешь свою соседку по парте?! Аленка, как же я давно тебя не видела…

— Что ты здесь делаешь? — неопределенно киваю в сторону кабинета. — Ты же не хотела становиться медиком. Какой там был план? — делаю вид, что задумываюсь. — Выйти замуж за папика и жить на Мальдивах? — усмехаюсь.

— Не напоминай, — Мила закатывает глаза, недовольно поджимает губы. — Папа заставил. Сказал, что раз он платил за обучение столько времени, я должна отработать. Вот и устроил меня сюда, — она разводит руками. — Но ничего, зато тебя встретила. Рассказывай, как ты докатилась до такой жизни, наша золотая птичка?

Меня передергивает от упоминания моего прозвища в институте. Да, я была одной из лучших студенток. Наверное,

поэтому такая девушка, как Мила, и решила со мной общаться — чтобы я позволяла ей списывать у себя. А я в целом была не против.

Мила подталкивает меня к двум белоснежным креслам, разделенным журнальным стеклянным столиком, стоящим сбоку от ее стола, и усаживает меня в одно из них, затем направляется к широкому подоконнику, на котором стоит кофемашина.

— Персональная, — улыбается Мила, указывая на технику, которая не вписывается в интерьер, но, видимо, другого места, куда ее поставить, не нашлось.

Через мгновение кабинет наполняет звук перемола зерен и запах кофе. Вдыхаю слегка горьковатый аромат, ерзаю на кресле, осматриваясь вокруг. Голубые стены в дневном свете кажутся чересчур яркими. Небольшой шкаф напротив меня завален какими-то папками и бумагами. Все это никак не вяжется с Милой, отец которой является шишкой в Министерстве здравоохранения. Я, правда, верила, что бывшая одногруппница ни дня не будет работать. Ей это было не нужно. Но Мила умудрилась закончить ВУЗ почти с одними четверками, чему были удивлены, мне кажется, все… даже сама Мила.

— Ну давай, я жду, — Мила ставит передо мной белую фарфоровую кружку на блюдечке и сахарницу, сама садится в соседнее кресло, закидывает ногу на ногу. — Ты же нормально устроилась после универа, что случилось-то?

— А ты лечишь? — я не планировала задавать этот вопрос. Он вырвался сам собой. — Прости, — сразу же понимаю, как обидно это прозвучало. Глаза подруги тут же становятся сосредоточенными, она выпрямляется. — Мил, прости, это было очень бестактно.

Тут же тушуюсь. Когда-то мы дружили с Милой, она пыталась привить мне любовь к клубам, а я ей — к учебе. Но увы, у меня так и не получилось этого сделать. А после института наши дороги разошлись, и мы спустя полгода совсем потеряли связь, так что сейчас я обескуражена, видеть ее в городской больнице, даже несмотря на объяснение Милы.

— Да нет конечно, — подруга вдруг громко смеется. Облегченно выдыхаю. — Ты бы видела свое лицо, — Мила заливается еще более громким хохотом. — Ну «не стоит» у меня на это все, — она обводит рукой кабинет. — А папа не понимает, вот и приходится выполнять административную работу, чтобы хоть какую-то видимость занятости создавать. Благо, никто пока не просек, — довольно ухмыляется она.

«Слава Богу!» — думаю про себя и по поводу того, что не обидела Милу, и по поводу того, что она не лечащий врач.

— Так давай, — подруга отпивает кофе. — Не переводи тему. Я жду твой рассказ.

Закусываю губу, смотрю на свою кружку, кручу ее за ручку. Что я могу рассказать Миле? Стоит ли ей довериться? В голову тут же лезут мысли про отца.

«С одним ты уже скрыла свои проблемы, и вот к чему это

привело!» — ехидничает внутренний голос.

И честно говоря, он прав. Да и мне хочется поделиться своими проблемами. Я устала носить их в себе. Кажется, будто, если я выплесну их наружу, то они станут чуть менее значимыми что ли. Поэтому тяжело вздыхаю и честно делюсь с Милой всем, что произошло за последние дни, и как моя жизнь полетела в пропасть с огромного обрыва.

Бывшая одногруппница с каждым моим словом становится все более пораженной, ее брови взлетают вверх, она сжимает губы, пожевывая нижнюю. И без того большие глаза Милы становятся еще больше.

— Да ты что?! — вскрикивает она. — Не может быть! Как же ты маленькая, все это выдержала? Скоты! И муж твой, и любовница, и руководство клиники. А я и думала, чего Илья Валентинович так переживал, когда мне звонил. Но честно, не сюда тебе надо, не сюда! Тебе бы свою клинику открыть, а не довольствоваться городской больницей.

— Я сейчас не особо могу выбирать, — пожимаю плечами. — Рекомендации мне вряд ли дадут, как и характеристику. Так что… — беру кружку и делаю глоток. Напиток обжигает, поэтому прежде, чем отпить снова, дую на поверхность.

— Ну да, — кивает Мила, глядя куда-то в сторону. — Ладно, — задумчиво произносит она. — Давай ты начнешь отсюда, а потом посмотрим. Может, у меня получится побыть твоей доброй феей. В любом случае, — она решительно смотрит мне в глаза, — завтра жду тебя на работе. Будем

восстанавливать твою репутацию.

Глава 18

— Значит, наша новая звезда? — полноватая женщина средних лет опускает очки на нос с горбинкой и смотрит на меня взглядом, который буквально пригвождает к полу. Ее крашенные в рыжий цвет волосы собраны в пучок. Белый халат накинут поверх синей униформы.

Еле удерживаю себя, чтобы не переступить с ноги на ногу от волнения. Сцепляю руки перед собой, глядя на моего нового начальника — заведующую консультативно-дагностическим отделением, куда меня определили.

Сегодня мой первый рабочий день, поэтому желудок скручивает в тугую спираль от переживания. Я не спала всю ночь, ворочаясь с боку на бок. Кровать еще никогда в моей жизни не казалась мне такой неудобной… Хотя нет, перед свадьбой я тоже не сомкнула глаз. Но это было так давно — словно, в прошлой жизни.

— Ну рассказывайте, с какой это стати вы променяли частную клинику, на… нашу? — Любовь Леонидовна вздергивает ярко нарисованную бровь, складывает руки на столе, сидя за которым наблюдает за мной.

— Так получилось, что… — начинаю неуверенно.

Я знала, что этот вопрос возникнет, но надеялась, что это будет позже, поэтому пока что не придумала, что на него ответить.

— Ой, Любовь Леонидовна, чего вы наседаете? — Мила, стоящая рядом, улыбается и взмахивает рукой. — Алена же сегодня только первый день, дайте ей освоиться. А уже потом вопросами засыпаете. Главное, что мы отхватили себе потрясающего специалиста, — она обхватывает мое запястье и аккуратно сжимает его.

Кошусь на нее, выдавливаю блеклую улыбку. Я рада, что Мила решила меня сопроводить. Одной мне было бы тяжеловато. А она как ослепительный луч поддержки, согревает меня своим присутствием.

— Мила, я, конечно, все понимаю, но мы как-нибудь сами разберемся, какой она специалист, — Любовь Леонидовна поправляет очки обратно на глаза. — А то думаете, если поработали в частной клинике, то все, лучшие, — она пристально смотрит на меня. — Ладно, — откидывается на высокую спинку офисного стула. — Идите работать. Мила, раз уж взяла под свою опеку, отведет вас в ваш кабинет. Со второй половины дня начинаете приемы пациентов.

— Спасибо, — уверенно киваю и выхожу вслед за Милой из кабинета.

Белые коридоры уже заполняются людьми. На серых железных стульях, расставленных тройками, сидят девушки и женщины разного возраста. У кого-то уже заметен животики, а кто-то, видимо, пришел просто на консультацию. Холодный свет ламп освещает каждую из них.

— Вот грымза, — бурчит Мила. — У нее параноидальная

идея, что ее хотят подсидеть.

Сразу понимаю, что она говорит о начальнице, но не задаю лишних вопросов. Я всегда старалась быть как можно дальше от сплетен, и планирую придерживаться этой политики впредь.

— Но не переживай, — Мила оборачивается ко мне через плечо. — Продержись здесь полгода, а потом мы что-нибудь придумаем, — она подмигивает мне.

В этот момент мы как раз доходим до моего нового кабинета, который оказывается простым, функциональным, без лишний деталей. Из большого окна, расположенного за белым покоцанным столом, мягко рассеивается дневной свет, падающий на когда-то белоснежные, но, видимо, от времени ставшие слегка сероватыми, стены.

На столе стоит компьютер, сбоку от него пачка стерильных перчаток, салфетки и антисептик. В углу примостилась кушетка с клеенчатым покрытием, чуть потерям и потрескавшимся от бесчисленных осмотров. Сбоку от нее — не новой модели УЗИ-аппарат. Над ним висит плакат с растрепанными углами, на котором изображены этапы развития эмбриона. Улыбаюсь этому — разбуди меня в ночи, и я назову их без запинки.

Запах стерильности, такой родной и знакомый, забивается в ноздри.

— Конечно не то, что у тебя было в частной клинике, — Мила проходит и встает в центр кабинет, прокручиваясь из

стороны в сторону, — но работать можно.

— Кабинет прекрасный, — улыбаюсь ей, ни разу не лукавя.

Какая разница, что окружает меня. Главное, что есть все условия, чтобы работать, все остальное — ерунда.

— Хорошо, — она поджимает губы и кивает на шкаф за моей спиной. — Так висят два комплекта формы. Я тебе вчера вытребовала. Туда же складывай свои вещи. Если что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти. В три часа я тащу тебя в столовую, и это не обсуждается. Я помню, что ты можешь забыть про еду, — подруга с серьезным видом выставляет перед собой указательный палец.

Только и могу, что улыбнуться ей. Становится невыносимо жалко, что мы с Милой прервали общение после института. Но сейчас есть возможность наверстать упущенное время, тем более, мне кажется, что мы как будто и не расставались.

После двенадцати ко мне заходит первая пациентка, а за ней следует еще одна. В стенах кабинета я наконец чувствую себя… живой.

Мила, как и обещала, появилась в моем кабинете ровно в три часа и буквально на буксире потащила в столовую, где несколько столиков было занято другими сотрудниками. Стоило нам войти, как разговоры стихают. Ощущаю себя зверюшкой в зоопарке, за которой пристально наблюдают несколько десятков глаз.

— Не обращай внимания, — Мила подталкивает меня вперед. — Конечно же ты будешь главной новостью еще пару недель как минимум. Смирись и подними голову выше.

Вздыхаю, стараясь следовать совету подруги. Она права, куда бы я не пошла, везде за спиной слышатся шепотки, которые замолкают, стоит мне обернуться. Но рано или поздно это пройдет, поэтому я отношусь к происходящему спокойно, с легкой долей иронии.

«Видимо, и через это мне нужно пройти,» — успокаиваю саму себя.

Так проходят первые дни моей работы — в осмотрах и разговорах за моей спиной. Но понемногу благодаря Миле я вытягиваюсь в коллектив, знакомясь с коллегами.

Спустя четыре дня Мила врывается ко мне в кабинет, немного запыхавшись.

— Я к тебе с просьбой, — она сразу переходит к делу. — Осмотри, пожалуйста, мою подругу. Она у нас работает психологом. Они с ее… мужчиной как раз пришли на прием, и я думаю, что лучше всего это сделать тебе. Беременность у нее тяжелая, а тебе я доверяю, — Мила подмигивает мне.

— Конечно, — уверенно киваю, польщенная словами Милы. — У меня как раз свободное время.

Приятно осознавать, что она относится ко мне с уважением. Внутри становится тепло. Улыбаюсь подруге.

— Я в курсе, и ты просто солнышко, — Мила усмехается. — Проходите, — она выглядывает в коридор и кому-то

машет.

Поднимаюсь из-за стола, выходя навстречу посетителям. Сцепляю ладони перед собой, радуясь, что могу оказать Миле хоть какую-то услугу за ее поддержку.

— Вот знакомьтесь, лучший врач на планете, — подруга отходит в сторону, пропуская в кабинет пару. — Это…

Мои глаза расширяются от шока. В горле моментально пересыхает. Заламываю пальцы, кажется, в попытке их самой себе сломать. Воздух застревает в легких. Так не бывает… просто не бывает!

— Я знаю, — мой голос становится ледяным. — Мы… знакомы, — твердо смотрю в глаза сначала… Марине, а затем… Игнату.

Глава 19

Последнее слово застревает в горле. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки, вгоняю ногти в ладони. Но боль не приходит — все чувства перекрывает ледяная волна, наказывающая изнутри. Холодные мурашки бегут по рукам, оставляя за собой дрожь.

Первая мысль, простреливающая мозг — меня предали… снова.

Перевожу настороженный взгляд на Милу. Она недоуменно замирает, хмурится, слегка приоткрыв ро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.